

Наталья Блинникова

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Наталья Блинникова

Первый человек

«Издательские решения»

Блинникова Н.

Первый человек / Н. Блинникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831266-3

Она жила в океаническом городе будущего. Но что-то произошло, и она попала в замкнутый мир, окруженный Зимой. Его жители обладали сверхъестественными способностями, но их покою мешал враг, с которым они жестоко воевали сотни лет. Ей нарекли стать их спасителем. Но прежде она должна справиться не только со своими прошлыми страхами, но и с чужим отчаянием. Она должна принять мир, в котором разговаривают деревья, горы и реки, а сознания людей сплетены в единый разум.

ISBN 978-5-44-831266-3

© Блинникова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	58
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Первый человек

Наталья Блинникова

© Наталья Блинникова, 2017

ISBN 978-5-4483-1266-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Солнечные лучи ложились на ее лицо, и она смотрела на золотое небо в окне. Но вставать ей совсем не хотелось.

Она стукнула кулаком по подушке и поджала губы, решительным движением смахнула слезы и быстро поднялась.

Не успел Кейп-Тир проснуться, а воздух снаружи уже пронзает дым и с шумом несутся автомобили, а пространство между дымом и автомобилями наполнено щелчками страйковых платформ и тревожными, а иногда и угрожающими выкриками страйлеров. Мир за дверью спешил куда-то уже очень давно. Из ее горла вырвался усталый вздох.

Она вышла из дома.

Постояв немного на пороге и повертев головой в разные стороны, она ступила в пропасть. И тут же ее нога оперлась на пластину из серого металла, а под подошвой ее страйков засветился зеленый цвет. «А система по-прежнему работает!» – немного разочарованно подумала она и опасливо оглянулась, словно ожидая, что ее услышат страйлеры и арестуют.

Каждый шаг сопровождался щелчками страйковой дорожки под ногами. На подсвеченной красным платформе перед автомобильным проездом ждали люди. Через несколько секунд платформа стала голубой, и перед пешеходами раскинулся мост. Она рассеяно посмотрела на застывшие перед мерцающим электромагнитным полем автомобили.

В воздушном коридоре на той стороне моста уже стояла Марго. Они кивнули друг другу без всякого выражения на лице.

– Ты еще не решила, куда пойдешь дальше? – спросила она.

– Я подала документы на электрическую архитектуру.

– Строить новые океанические города?

– Наверное. А ты?

Она только пожалала плечами. Через несколько минут они дошли до своего отделения высшей школы.

«Рабочие транснациональных компаний, достигнув более высокого уровня жизни, стали требовать повышения зарплат. Для урегулирования конфликта владельцы компаний были вынуждены повышать цены на продукцию, что привело к беспорядкам в городах...»

– Ай!!! – завопила она и раздраженно оторвалась от экрана компьютера: телефонный звонок прервал ее работу.

Она схватила телефон, и перед ней возник светящийся полупрозрачный экран, с которого смотрело довольное лицо с сильными чертами.

– Сегодня вечером обещают штиль. Ты любишь. Может, сходим к воде? Я тут недавно выведаль одно местечко... Сам не был, но говорят, там здорово, – сказал парень с экрана.

Она вышла из дому. Идти по страйковой дорожке в туфлях было неудобно: каблучки звонко стучали по металлическим пластинам, которые мерцали в сумерках уже не зеленоватым, а белым светом.

Вечерний Кейп-Тир нравился ей больше, чем Кейп-Тир утренний. Разноцветные автомобили проплывали мимо медленнее, на кожу опускался легкий сырой туман, под ногами слышался шелест океана, витрины магазинов и вывески офисов ярко светились. Людей было меньше, а выкрики дежуривших страйлеров становились сонными и несерьезными. А самое главное, вечером можно было найти деревья в сирах, которые поднимали с нижних уровней. Местоположения сиров постоянно менялись.

Она уже почти дошла до места встречи, как кто-то мягко окликнул ее по имени. Она улыбнулась и повернулась, готовая увидеть знакомое лицо. Но перед ней открылся только тем-

ный узкий коридор, по краям которого нависли высокие здания. Она стала напряженно вглядываться в воздушное пространство. Тихий голос словно продолжал звучать в ее голове, увлекая. Она медленно, спокойными шагами пошла на призыв.

Она ступала на цыпочках, опасаясь стучать подошвами. Через несколько минут она поняла, что не слышит привычного щелканья страйлковой дорожки и опустила взгляд; серый металл привычно светился в ночи. Сбоку подул ветер. Она повернула голову навстречу прохладному потоку воздуха – там был еще один проход. Она свернула туда.

Зеленые листья, пронизанные тоненькими жилками, плавно терлись друг об друга. Ветви изящно качались на мощном стволе. Коричневая кора, изрезанная неглубокими трещинами, одевала дерево. Корни прочно входили в землю, настоящую землю! – которой был засыпан чашеобразный стеклянный пол. Закатные лучи солнца, отраженные морскими волнами, преломлялись в кроне разноцветными тенями.

Она громко и свободно рассмеялась. Она просто не могла оставить эту радость только себе одной, и, круто развернувшись, побежала.

– Хоть бы успеть! Хоть бы успеть... – шептала она.

Не успела она преодолеть половину намеченного пути, как близорукие глаза ее увидели знакомую фигуру в черной одежде, которая направлялась навстречу.

– Да ты что, зачем так бежала? – начал говорить приятель.

– Заткнись, Котя, и бегом за мной, – скомандовала она, хватая юношу за руку.

– В чем дело? Куда ты несешься? – орал он, чуть не падая от неожиданной гонки, тем более что руки у нее были цепкими и сильными, и он не мог вырваться из ее хватки.

Но она молча увлекала его за собой, оставляя позади сердитые выкрики страйлеров и удивленные взгляды редких прохожих.

– Черт побери, да нас ведь заживо страйлеры сцапают, что ты как сумасшедшая в какую-то мерзость завела... – но тут Котя все-таки замолчал, наткнувшись на сердитый взгляд подруги.

Глаза Коти устремились туда, куда она указала рукой. Он успел разглядеть дерево, опускающееся вглубь Кейп-Тира. Через секунды сир скрылся в нижних слоях города.

– Успели! – облегченно вздохнула она и счастливыми глазами посмотрела на друга. Тот продолжал смотреть прямо. Рот его был приоткрыт, а лицо застыло в странном отсутствующем выражении, – Константин?

Он поднял подбородок и неестественно дернул головой: по сырым холодным стенам эхом отразился хруст его шейных позвонков. Взгляд Коти ни на секунду не оторвался от черной дыры, где был сир.

– Ну так что, идем? – голос его звучал ровно, но она почувствовала в нем напряжение.

– Неужели ты теперь хочешь идти куда-то?

– Что? Повтори, пожалуйста.

– Нет, – тихо сказала она, – Идем, конечно же... Хоть куда... – она подняла на друга строгие и пронзительные глаза.

Когда они с Котей под руки вышли из переулочка, она почти ничего не ощущала. Несвязные мысли мешали ей слышать реальность.

– Эй, ты со мной? – кто-то помахал ладонью перед ее глазами.

Она очнулась от оцепенения и посмотрела на Котю, который стоял прямо напротив нее.

– Что с тобой такое? Уже почти пришли.

– О, прости, какой уровень? – она тряхнула головой.

– Четвертый. Слышишь музыку? Может, посмотрим, что там?

Она повернулась, чтобы оглядеться. Четвертый уровень. Она не была здесь уже очень давно... Все время они с друзьями торопились на самый последний и самый живописный,

а два до него как-то проскакивали мимо быстро и незаметно. Но сейчас она словно впервые оказалась здесь.

Грязный воздух заполнял все вокруг – ведь четвертый уровень стоял прямо над очистителями, и здесь всегда скапливался смог. Хорошо тут бывало только по утрам, когда газы и яды еще не успевали осесть вниз после ночной фильтрации. Именно здесь располагались ЭМГ – электромагнитные генераторы, атланты города. Повсюду были эти исполинские катушки с железным сердцем. Каждый соленоид был защищен силовым экраном. Верхушка каждого электромагнита была огромная пластина металла. Каждый соленоид держал на стержнях пятый уровень, а генераторы были окружены электромагнитными станциями. ЭМГ были наполнены мощью и властью. Жилые же дома вокруг них смотрелись жалко, словно грязь.

Котя позвал ее. Она медленно повернула к нему лицо, оглядела его с ног до головы и с легкой насмешкой промолвила:

– С чего это ты заинтересовался музыкой, да еще и четвертого уровня? Разве музыка первого уровня не круче и не престижнее, чем какое-то трельканье на четвертом? – она лгала. Доносившиеся до их ушей звуки были приятны и красивы.

Она видела, как сильно рассердила его, но по-прежнему нахально смотрела ему в лицо. То непонимание, та безучастность, с которой он хотел развеселить ее, расстраивали.

– Ох, тебе так хочется, да? Погнала посмотреть на какое-то дерево, повел ее вниз, ей что-то не понравилось здесь, предложил развлечься, но нет! Раз так хочется, гуляй сама! Может тогда тебя сможет понять воздух! – и он зашагал от нее прочь, громко топая.

Она стояла и смотрела ему в спину. Когда силуэт скрылся за поворотом, она очнулась и быстро пошла куда-то, сильно размахивая руками. По лицу потекли слезы. Грудь разламывалась от тоски.

Ей казалось, что она должна была родиться в другом мире. Ей казалось, что здесь ей нет места – она не видела себя впереди.

Неожиданно, настойчивый ветер осушил ее просоленные глаза. Она почувствовала, как мягко он касается ее кожи, и подставила ему лицо. Взгляд ее устремился вверх, и она увидела розовые облачка, спокойно плывущие по синему в звездах небу. Что-то торжественное было в их медленном движении.

Оказалось, что она спустилась на пятый уровень. Здесь не было домов, и сюда никогда не проникал смрад мегаполиса. Несмотря на это, жители Кейп-Тира редко появлялись в этом месте.

Это был каркас, на котором держался город. Толстые металлические стержни уходили от платформы прямо в воду. Именно на них держались в первую пору ЭМГ, но сегодня сами генераторы поддерживали всю конструкцию Кейп-Тира. Здесь невозможно было услышать щелканье страйлковой дорожки – ее не было. Вместо этого под ногами был деревянный тротуар. Она уселась на краю платформы, не боясь упасть – внизу находились аварийные страйлковые платформы.

Прошло немного времени, и она услышала громкий девичий смех у себя за спиной. А еще чей-то тихий голос. Неподалеку два человека сидели, плотно прижавшись друг к другу. Она не могла видеть их лица – да и ей и не хотелось. Смех девушки не затихал больше, чем на минуту.

– Неужели? И она тащила тебя ради этого через весь центр? – услышала она насмешливый голос девушки, не в меру для тишины этого места высокий.

Она встала на ноги и подошла ближе, спрятавшись за металлическую колонну. Юноша что-то увлеченно рассказывал подруге, а та то зажимала рот рукой, то громко хохотала. Это был Котя.

В мозгу ее вспыхнуло видение сира. Разноцветное сияние листьев словно ослепило ее разум, ее чувства. Глаза ее заметались из стороны в сторону, уголки губ начали поддергиваться, обнажая зубы, превращаясь в улыбку, полную разочарования.

– Всего лишь дерево, – прошипела она и бросилась прочь.

На четвертом уровне, было какое-то торжество. Вокруг шествовала толпа, выкрикивая или распевая лозунги. Люди были в яркой одежде, в руках у них были флаги, у некоторых – даже плазматические экраны.

Попав в толпу, она оказалась у концертного купола, на сцене которого выступала певица. Она и ее музыканты только начали отбивать быстрый ритм – толпа восторженно завопила, едва заслышав мелодию. Усиленный динамиками голос разнесся над площадью:

«Назад в час – в мире не было нас,
На сто лет вперед – будет наш поворот,
Время сквозь ладонь – где-то там есть мой,
Но он тоже один, а мне нельзя с тобой...»

«Скорее!» – она испуганно оглянулась в поисках автора этих слов, но за ее спиной, как и вокруг, только прыгали люди – никому не было дела до нее.

«Быстрее!» – эта команда раздалась везде, повсюду. Она обхватила голову руками.

Она чувствовала, как напрягаются ее мышцы, как стопы касаются металлических пластин, как холодный ночной ветер колет кожу. Мысли сталкивались одна с другой, а голос в голове становился все настойчивее – он заполнял ее, и казалось, что она находится уже вне реальности.

В глаза бросился слепящий желтый свет, она увидела синее пятно перед собой и ощутила сильный удар в живот. Она поняла, что отлетела куда-то назад, десятки, и сотни, и тысячи образов пронеслись вокруг нее. Она увидела маленький желтый лист, медленно спускающийся к ней. «Странно...» – тупо подумала она и упала спиной на какую-то твердую поверхность, от боли зажмурил глаза.

Глава 2

«Вдохни... Вдохни! Открой глаза!..»

Она судорожно заглотнула воздух. Грудь начала интенсивно подниматься и опускаться, и вскоре перебитое ударом дыхание восстановилось. Из белой пелены к ней плавными кругами спускался маленький желтый лист. Немного поразмыслив, он мягко спланировал к ее правому уху. Она устремила пронзительный взгляд прямо перед собой. Спокойно раскачиваясь по ветру, прямо над ней нависли деревья.

Она рывком села. Везде, куда не упирался ее взгляд, стояли могучие стволы, удерживающие на своих ветвях пышные золотистые, желтые, красные кроны. Она опустила взгляд вниз. Там была немного сырая, покрытая мхом и вялыми листьями, твердая земля. А вокруг – кусты и овраги. Это был лес, каким она представляла его себе, каким видела в фильмах и на картинах.

Она вскочила на ноги и заметалась по небольшой полянке.

– Где я? – завизжала она и принялась вертеться на месте, – Что это?

«Успокойся...»

Шелестящий голос, словно бы ветер подул, раздался прямо у нее в голове... Или он просто везде?

«Обернись!..»

Она услышала топот у себя за спиной. В тот же миг что-то обожгло ее плечо, разлилось по телу вместе с пульсацией крови в сосудах, сковало мозг. Последнее, что она увидела – это стремительно приближающееся белое существо. Что-то подхватило ее за талию, и ноги ее оторвались от земли. Сознание окутала тьма...

Стоны, болезненные голоса, слабое шептанье окружали ее в беспокойном сне, заполняли ее разум своей тоской... И никуда не убежать – везде боль, грусть, отчаяние. Она наполнена этим. И кто-то шепчет ей одни и те же слова, все настойчивее и все громче и громче, перекрывая остальные звуки, требуя что-то сделать. Что?

Она заморгала глазами и заворочалась на каком-то твердом и холодном ложе, обхватив голову руками. Жестокий шепот превращался в боль.

– Что, скажи? – закричала она и свернулась в клубок. И через мгновение боль и шепот утихли.

Отдышавшись, она разлепила глаза. Вспышки боли, воплотившись в цвет перед ее глазами, мелькали в пространстве и мешали видеть. Постепенно она различила мрачные стены, из трещин которых лился тусклый свет. В темнице ничего не было, даже двери.

Она встала, и в ту же секунду стена напротив нее подобрала внутрь камни, образовав узкий проход. Через него полился мягкий свет, и в камеру вошла высокая, уподобленная человеку, фигура. Существо издало нечленораздельные слова, видимо, обращаясь к ней. Звуки его голоса были похожи на тихий шелест листвы. После этого пришелец развернулся и зашагал назад, но, пройдя не более двух метров, обернулся и вновь что-то требовательно сказал.

– Я не понимаю вас, – сказала пленница, чуточку расслабившись.

Заслышав ее голос, фигура застыла. Но замешательство длилось секунду, и существо снова вошло в темницу, однако на этот раз вошло в поток света.

Это был человек, молодой мужчина среднего роста, очень худощав и с тонкими пальцами, которыми сжимал боевой топор. Лицо у него было немного вытянутое, с прямым носом и огромными, просто громадными глазами, так же, как и уши растянулись почти вдоль всей головы. На нем была простая, немного потертая одежда, а на ремне через плечо висел колчан со стрелами и маленький лук.

Он гордо вскинул голову и шагнул ей навстречу. Она отшатнулась и прижалась к стене, попыталась ударить его кулаком, дернула руками, и осознала, что они связаны. Мужчина при-

близился к ней и взялся за веревку и потянул к двери. Она уперлась, но он дернул сильнее, заставляя ее повиноваться.

Как только она вышла из камеры, на глаза ей набросили повязку, лишив зрения. Она шла босыми ногами, то и дело спотыкаясь. Один раз она даже упала, плюхнувшись лицом в холодную землю. Ее резко поставили на ноги.

Вокруг было глухо, словно в воде, и в тишине вопросы раскалывали ее голову. Тревога съедала ее изнутри. И она поддавалась эмоциям, не в состоянии удержать их.

Неожиданно она услышала, как открывается перед ней дверь, вздрогнула, повязка слетела с глаз, и ее толкнули в какое-то темное помещение. По инерции она пробежала пару метров и уперлась ладонями в противоположную стену.

Это была новая камера. Со стоном она села на нары, устланные соломой и шкурами, и оглядела себя. Она была прямо-таки усыпана синяками. Она не могла понять, откуда у нее столько ушибов. Грудь ее затрепыхалась, губы задергались, и, обхватив руками липкие от крови коленки, она глубоко разрыдалась.

Она не могла сказать, сколько дней провела в этой темной обители. Единственным ее занятием была ходьба из одного конца камеры в другой, остальную часть своего досуга она проводила, лежа на соломе. В такие минуты она бездумно глядела в потолок или дверное окошечко. Сначала она пыталась угадать, почему она здесь, но постепенно мысли ее стали статичны и бесцветны. Периодически к ней приходил вооруженный человек и оставлял похлебки и воду. Еду она пробовала редко, но нетронутую пищу уносили и давали ей свежую. Она пробовала заговорить со стражником, цеплялась за его одежды, но он грубо отталкивал ее и уходил, вновь оставляя в тишине.

Когда на нее накатывала дремота, пред ней возникали образы, картины, которых она ни разу не видывала – белые пустыни, блески стали, прозрачные фигуры, увенчанные шпильями башни, холодные звезды в венце огромной голубой луны... В конец каждого сновидения прокрадывался настойчивый шепот, заполняя все вокруг. Но она не могла разобрать, что он хочет сказать ей, и билась в лихорадке, и просыпалась среди боли.

Но однажды стражник вошел к ней не с едой, а с длинным клинком. Он подошел, вынул свое оружие и указал им не выход. Она молча повиновалась. Она ждала, что ей снова завяжут глаза, но этого не произошло. В коридоре за ней и ее охранником пошли еще два человека – их черты сливались со стенами, словно они были тени. Двигаясь по коридору, она смотрела себе под ноги, но мысли ее возвращались к этим двум, беззвучно шагавшим за ней.

Желание увидеть их, заглянуть им в глаза стало настолько сильно, что она не выдержала и остановилась. Укол ножа стражника кольнул ее, но она не двинулась дальше, а решительно обернулась.

Люди, так привлекавшие ее, были будто и не людьми – это были лишь образы человеческих тел, черные, будто окутанные густым дымом. Но пара пронзительно голубых глаз смотрели на нее из этого мрака.

Страж еще раз подтолкнул ее в спину. Она отвернулась.

Они пришли к отполированной, покрытой резьбой деревянной двери. Ее страж открыл проход и жестом повелел войти.

В комнате было уютно: деревянный пол и стены, казалось, переходили один в другой. У окна стоял большой стол, стены были застелены растениями, которые росли из земли, раскинутой повсюду.

Рядом с окном был мужчина. Он был очень высок – выше любого, кого она видела. Когда он двигался, казалось, что в нем сразу несколько людей: все его члены, сухожилия и кости выпирали из тела короткими импульсами, отчего контур его тела словно размывался в пространстве. Короткие белые волосы матово переливались в солнечных лучах. У него были нор-

мальных размеров глаза, но в них не было радужки, не было белка – только чернота, глубокая и живая.

Он сказал ей что-то сильным голосом на том же неизвестном ей наречии. Слова лились из него непринужденно, словно бы он рассказывал какую-то историю, и тембр его речи уравновешивал беспокойные движения его тела.

Она молчала. Тогда мужчина повторил что-то для нее.

– Я не понимаю, – устала сказала она.

Заслышав ее, человек вздрогнул.

– Твой язык забыт и почти утерян, – звуки родной для нее речи разлились в ее голове неожиданно громко, встряхнув уснувшее сознание, и она подняла на незнакомца широко открытые глаза, – Немногие о нем знают, а еще меньше помнят. Садись, – он указал ей на стул.

Поколебавшись, она исполнила приказ.

– Я думаю, ты... не осознаешь, где находишься... – снова заговорил мужчина, – Они сообщили мне о необычайной восприимчивости нашего заключенного, но я даже не ощутил, что это ты, – он оперся локтями о стол, и она увидела, что собой он прикрывал какие-то тени, которые клубились и расплывались в воздухе. Проследив за ее взглядом, мужчина добавил, – Странно, что ты не чувствуешь их, но, получается, теперь они все же скрыты даже для тебя.

Она почувствовала, что внутри нее поднимается страх. Этот мужчина, эти две тени были слишком спокойными, но от них исходила какая-то сила.

– Я... Не совсем понимаю вас. Кто вы? – она боялась задавать вопросы.

– Да, многое изменилось, и ты можешь многого не понять.

И тут она подумала, что перед ней, возможно, сумасшедший. Или это она сошла с ума? Глаза ее забегали по стенам, словно ожидая, что они сейчас рассыплются в прах.

– Мне кажется, вы тоже не понимаете меня. Я не знаю это место. Вообще. Я здесь первый раз в жизни, – четко проговаривая каждое слово, стараясь сохранить уравновешенность, проговорила она.

Лицо мужчины покрыла тень. В его глазах вдруг словно появились сразу миллиарды мыслей – так много, что их хозяин должен был бы уже жить вечность.

– Я надеялся, что все все-таки будет не так, но пусть свершится, как должно... – проговорил он глубоким и переливчатым голосом.

Она нахмурилась. Пол стал уходить под ногами.

– Что вам нужно? – твердо произнесла она.

– Пока мне ничего не нужно от тебя, Энди.

Она вздрогнула. Пальцы рук сами собой сжались в кулаки.

– Откуда вы знаете мое имя? Что это за учреждение? Зачем вы взяли меня сюда? – злость затмила в ней сомнения.

Мужчина откинулся на спинку стула, а две тени расплылись, точно туман, за его спиной. Лицо его окаменело, кожа превратилась в белое полотно. В комнате стало темно, и тихий голос его раздался повсюду, но уста его были сомкнуты.

– Освободи ей дорогу!

Она почувствовала, как упали путы с ее рук, удар прокатился по телу; она двигалась быстрее, чем могла замечать перемены окружающего, и засвистел воздух в ушах, и залепило глаза тухлой, и загремел твердый шепот у нее в голове, требуя что-то...

Она открыла глаза. Невредимая, она стояла в темноте. «Я умерла» – сказала она сама себе, но дунул резкий ветер, и она рефлекторно сморгнула веками. И тут же мрак рассеялся, превратившись в вечерние сумерки. Еще теплилось зарево на небе, а пространство вокруг словно мерцало серебром. Багровая листва мягко шуршала под ногами, откуда-то тихо шумела вода. Земля была сырой и холодной. Она снова была в лесу.

Она прислонилась к дереву. Колючие от инея листья кололи ее голые ступни. Она дрожала, а дыхание тяжело и глубоко прорывалось в грудь. Кровь кипела в сердце, стучая глухо по телу, но постепенно начала остывать. Горячие мысли стали замедляться, уступая место тревоге о морозе, который все более и более оседал на коже, сдавливая мышцы, смыкая веки.

Ночь наполнялась шорохами, криками птиц. Она понимала, что засыпает, но оставаться на земле было нельзя. Осторожно ступая, она начала красться куда-то вперед, в черноту леса. Она озиралась по сторонам, хотя ничего не могла разглядеть во мраке. Наконец, она наткнулась на огромное дупло в дубе, забралась туда и уснула, обхватив себя руками.

Утром она с тихими стонами разогнула окоченевшие конечности, а как только она выбралась наружу, кашель разорвал ее грудь. Она упала на колени, хватаясь за горло от боли и за живот от голода. Вокруг нее мелодично шелестели деревья, а яркие, но по-осеннему тонкие лучи солнца переливчато сверкали на влажной траве. Она прислонилась к дереву и хрипло задышала, устремив взгляд в звенящее небо.

– Я умру.

«Нет».

Она подняла голову и внимательно огляделась.

– Почему? – спросила она, понимая, что ее волнения превратились в безразличие, которое завладело и ее разумом, позволив ему разрушаться.

«Мы дадим все, что нужно, только попроси».

Она потрясла головой, но этот шепот раскололся в ее голове на куски, рассыпавшись там, точно огни большого города, повсюду.

– Я хочу попасть домой. Я хочу знать, где я.

«Место это именуется Слепым лесом на восточном берегу реки».

Она перебирала варианты причин, вследствие которых с ней происходило то, что происходит: шутка? болезнь? реальность? Она снова всмотрелась в лес вокруг.

– Кто ты? Покажись.

Сразу несколько веток деревьев склонились к ней и затерлись об ее плечи, запутались в ее волосах; зашевелилась редкая трава под ногами, поднялись в воздух бурые листья и закружились вокруг нее, облепляя лицо, ноги, руки: лес застонал.

Она вскрикнула и отшатнулась, отмахиваясь. Голос шелестел в ее голове. Она бросилась прочь от него, но куда бы она ни сворачивала, везде она попадала в сети деревьев, и везде шепот заполнял ее мысли. Но убегала она недолго – грохот, схожий с грохотом от взорванной бомбы, раскатился по лесу – и листья улеглись на земле, повисли ветви, застыла трава. Она повалилась на землю и спряталась в кустах. Слизь прилипла к ее коже – она с отвращением увидела, что лес вокруг нее омертвел.

– Что случилось? – только и смогла выговорить она, как прямо рядом с ней раздалась еще одна партия грохота, и из лесной чащобы недалеко от нее выскочили три всадника.

На одном из коней сидел человек, обвешанный оружием и закутанный в плотные одежды. Его лицо скрывал капюшон. Выскочив из леса, наездник отстегнул от своего снаряжения какое-то оборудование и бросил через плечо. На лету предмет превратился в огромный бумеранг, вспыхнул синеватым пламенем и распорол надвое несколько деревьев. Стволы чуть не пришибли еще двух всадников. Один из них наложил на тетиву стрелу и спустил ее. Стрела попала в плечо преследуемого, он согнулся и дернулся поводьями. Лошадь заржала, встала на дыбы, но через секунду помчалась прочь, унося раненного наездника в лесную глушь. Преследователи помчались за ним.

Через секунды еще пара всадников выскочила из леса, но их лошади остановились в нескольких метрах от нее. Она замерла – она боялась даже дышать, но могла разглядеть незнакомцев.

У них были огромные глаза и уши, лица обтягивала бледная кожа. Темные у одного и светлые у другого волосы были коротко подстрижены. У обоих на поясах висели длинные ятаганы, а короткие луки вместе с колчанами болтались за спинами.

Всадники крутились на месте среди умершего леса. Солнце тусклыми бликами играло на металлических застежках их одежд и на рукоятках их мечей. Беловолосый ужчина начал разводить руками, указывая куда-то в чащу леса. Черноволосый ответил так, словно продолжал какой-то разговор.

– Квирнар и Ламар не были в страхе – они радовались. Если уж ярлик чинит для них смерть, то они уходят быстро и мгновенно, но сегодня они остались! – лицо его просияло, – Я говорю, что среди нас появился вален!

Другой мужчина с удивлением и опаской посмотрел на говорившего.

Тут в глубине леса раздался далекий, но внушительный звук. Оба всадника повернули своих коней и помчали их галопом в сторону грохота.

Едва мужчины отъехали от нее, она вскочила на ноги и побежала в противоположную сторону. Громкий чих вырвался из нее, раскатившись по вновь притихшему лесу повторяющимся эхом. Обернувшись, она увидела, что один из всадников поворотил за ней.

Она бежала среди колючих веток и черных стволов, перепрыгивая через гнилые пни и редкие овраги. Мозг ее думал только об одном: где укрыться? Она и подумать не могла, чтобы отдаться воле преследователя. И словно в помощь ей лес стал намного гуще, толстые стволы деревьев все плотнее и плотнее притягивались друг к другу, и в ритме бега ей казалось, что ветви их тянутся к земле, прикрывая ее от посторонних глаз. Она начала боком протискиваться через просветы среди деревьев – куда там лошади с человеком на спине!

«Сворачивай, сворачивай!»

Эти приказы раздались у нее в голове, и она повиновалась. И вдруг деревья перестали мелькать вокруг нее, лес полностью сомкнулся за нею, и не успела она остановиться, как с тяжелым вздохом упала в какой-то овраг. Ее тело сжалось, словно в тисках, в ледяном холоде. Она поперхнулась холодом, забарахтала конечностями и вынырнула на воздух, хватая ртом студеной воздух.

Она быстро перемещалась по сильному течению реки, которая уносила ее, все дальше от берега. Пару раз она уходила под воду, не в силах справиться с сильными волнами, но ее тело будто само собой выныривало на поверхность.

Ей казалось, что минуты были месяцами, пока она боролась за свою жизнь, но одновременно она не заметила, как волны вынесли ее на мелководье. Хватаясь за глину, она выкарабкалась из течения и распростерлась на сыром берегу. Водоросли и вода вышли из ее горла. Она застонала, пытаясь встать.

Река вынесла ее из леса на равнину. Выкарабкавшись из оврага, она повалилась в траве, чтобы стереть грязь. Небо над ней светило льдом. Солнце едва теплилось в вышине, даже не катясь к зениту, а обходя землю по горизонту.

Она села на корточках, сжавшись, чтобы заставить тепло ее тела остаться. Уничтожая своей мощью, на нее смотрела высокая, с заснеженной вершиной гора. Возвышаясь над голой равниной, она видела всех и всюду. Река устремлялась к ней, как веселая дочка к суровому отцу, огибала камень и скрывалась за другой стороной.

Скала обещала защиту. Понутив голову, Энди поплелась к горе, надеясь отыскать там сухую пещеру и попытаться развести огонь, хотя она раньше этого никогда не делала.

Солнце уже наполовину скрылось, когда она, измученная, с исцарапанными ногами добрела до опушки нагорного леса. Река осталась немного в стороне, но из глубины леса доносился какой-то рокот, будто от водопада.

Деревья мирно стояли рядом, накрывая землю широкими ветвями. Откуда-то из-за их стволов доносился приятный, ласковый запах смолы и хвойных иголок. Весь лес наполнялся

тихими шелчками и приглушенным хрустом, и эхо от этих звуков разносилось повсюду: деревья словно говорили друг с другом. Густой мшистый покров накрывал толстые корни.

С каждым шагом звук водопада становился все отчетливее и громче. Казалось, здесь никто не живет – она не увидела ни одной тропинки. Но какое-то тревожное чувство не отпускало ее разум – ей казалось, что за ней следят. Несколько раз она останавливалась и опасливо вглядывалась в чащу, но лес лишь протяжно вздыхал в ответ на ее безмолвный вопрос.

Деревья начали редеть, и перед девушкой встала слизкая и холодная каменная стена, уходящая далеко вверх. Теперь рокошующий звук доносился сбоку, и она пошла вдоль скалы. Густые сумерки окончательно покрыли все вокруг, поэтому она ступала, пристально вглядываясь в землю. Огромный валун попался на пути. Пытаясь обогнуть его, она ступила на край утеса.

Длинная долина простиралась под ним. Водопад из глубин горы извергался вниз в черное озеро множеством разноцветных брызг, сияя в ночи. Водную чашу внизу разрезала та самая река, которая помогла ей выбраться из леса. Она направляла свое русло вдаль, извиваясь среди невысоких, поросших травой и кустарниками холмов. Темно-лиловое небо, подпернутое серыми тучками, соприкасалось с черной землей, пока разгорались слабые звезды.

Едва она стала огибать валун, как из-за другой его стороны кто-то натянул перед ее лицом стрелу. Она резко затормозила и, приподняв руки, застыла с широко открытыми глазами. На нее зло и холодно смотрел светловолосый всадник.

Какие-то желтоватые глаза его горели огнем и блестели на темном челе как два маяка в штормовом море. На мгновение мысль о прыжке проскочила у Энди в голове – вдруг повезет – но мужчина задал ей вопрос на своем шелестящем языке, требовательно глядя на нее и тыкая древком стрелы в ее горло. Ей стало щекотно, и, не удержавшись, она громко чихнула, согнувшись. Запела тетива – стрела помчалась с утеса в небеса, а мужчина уже вытащил вторую, натянул и приставил к груди девушки. Угрожающие интонации вырвались в звуках его голоса.

– Я не понимаю вас, честное слово, и я не знаю, за что вы меня преследуете! – испугано проверещала она

Светловолосый чуть сощурил глаза.

– Ты не лекан, значит, ты ярик? – выговорил он с явным трудом.

– Я... Я вообще-то не туда и не туда, меня зовут Энди, и я не понимаю, где нахожусь и что вообще здесь происходит, и даже как я сюда попала, – неуверенно сказала она, но мужчина упорно молчал, задумчиво, но не менее агрессивно на нее глядя, – Я здесь уже сама не знаю, сколько времени, очнувшись я в том лесу, где вы увидели меня, меня схватили и держали в тюрьме долгое время какие-то люди, как вы, потом выбросили, лес взбесился при мне и омертвел. Я видела, да, видела как вы гнались за каким-то человеком, и я убежала, и река вынесла меня сюда, но, клянусь, я совершенно не понимаю, что происходит!

Мужчина опустил лук и с задумчивым видом начал внимательно вглядываться ей в лицо. Сила его глаз отталкивала от себя, и она отводила взгляд. Водопад омывал два совершенно разных берега. Один из них, на котором стояли люди, сверкал обнаженным камнем. Голая стена уходила внутрь мерцающей пещеры. Противоположная сторона была сплошь покрыта мохнатыми деревьями.

– Что ты хочешь? – внезапно сказал мужчина.

Сначала она потерялась.

– Я бы очень хотела отдохнуть.

Светловолосый сверкнул на нее глазами и молниеносным движением прикоснулся к ее шее. Тут же она повалилась в пропасть. Но сильные руки легко подхватили ее.

Она едва осознавала, что происходит. Сначала они с незнакомцем прыгали по камням, потом шлепали по воде. Сквозь прикрытые веки она видела лишь слабый желтый свет, а затх-

лый воздух щекотал ноздри. Потом они оттолкнулись и она на мгновение потеряла гравитацию. Они прыгали так несколько раз. Под конец она легла на что-то твердое. Она чувствовала, как раскачивается под нею пол: туда-сюда-обратно, туда-сюда-обратно, туда-сюда, туда... сюда...

– Танхет хочет видеть ее...

– Нет, нет, нельзя.

– Ты нарываешься, Падиф...

Заливистый смех раскатился повсюду, и сладкий сон накрыл Энди своим одеялом.

Глава 3

«Разгляди нас».

Ее затрясло, и она резко проснулась, хватая воздух.

Шепот удалялся из ее головы, но взамен она чувствовала тупую боль. Она села. Взгляд ее очертил иголки и ветви – она была прямо на кроне дерева!

– Нет, нет, не волнуйся! – услышала она чей-то встревоженный голос, но было поздно.

Она падала вниз, и прутья обжигаяще хлестали по коже. Сверху послышался треск, и ее подхватили чьи-то руки. Она инстинктивно, не задумываясь, обвила руками чью-то шею и прижалась к широкой груди. Человек поскакал по ветвям деревьев, словно птица, а она сильнее вцепилась в его одежды. Но длилось это фантастическое путешествие недолго. Спланировав, человек посадил трясущуюся девушку на камень.

Она покачалась из стороны в сторону, умиряя головокружение, а потом с отсутствующим видом покосилась на мужчину. Это был другой всадник. Он стоял перед ней, гордо выпрямив спину, вперив руки в бока, подняв подбородок; на лице его мерцала улыбка. Его угольные волосы торчали во все стороны, а лицо было словно приплющено. В черных глазах сквозила мудрость, но он был молод.

За секунды она отдышалась и вскочила на ноги, выставив перед собой ладони. Незнакомец перестал улыбаться – в нем изобразилась тревога.

– Не бойся. Тебе просто не следовало паниковать.

– Кто ты? – гаркнула она сиплым голосом, и в груди стало больно.

Невольно она попятилась назад. Но не прошла она и полутора шагов, как почувствовала прикосновение к своей голове. Она резко обернулась.

Протянув к ней руки, сзади стоял согбенный старец. У него была густая спутанная борода, а с плеч свисали многослойные одежды. Сухие листья и веточки запутались в складках ткани, в пышных, но редких волосах были семена, мертвые насекомые и маленькие птичьи перья. Все лицо его избороздили морщины. Его огромные желтые глаза просели к земле под тяжестью лет.

– Что вы делаете? – сказала она одними губами.

Руки дряхлого мужчины дрогнули. Он вопросительно посмотрел на своего спутника. Свет глаз молодого мужчины струился наружу, тогда как мысли старика проваливались вовнутрь.

– Имя мне Падиф, я страж горы Ревен, – зазвучал громко и сильно голос черноволосого, – Перед тобой мой наставник. Пока ты спала на кроне, я созерцал твои мысли, а потом заглянул в них, когда ты проснулась. Я слышал, как звали и говорили с тобою Илень, Ламар, Квирнар и Селемер, – завидев перекошенное выражение ее лица, он поднял голову, глаза его сверкнули, – Не сердись, но такова мера для того, чтобы знать, кто ты. Но в твоей памяти пустота! Темнота скрывает твоё прошлое, словно его и не было вовсе – я вижу тебя лишь с того момента, когда ты лежишь в лесу...

Она закрыла глаза и покачала головой в стороны. Ей будто стало трудно дышать, а лицо сморщилось в раздумьях.

– Нет... – едва слышно прошептала она, открыла глаза и стеклянными глазами уставилась перед собой, – Нет! – внушительнее повторила она и вскинула взгляд на мужчину.

Он смотрел на нее настороженно.

– Это какая-то шутка? Эксперимент? Почему я на земле? – медленно и раздельно заговорила она, и каждый звук болью отзывался в ее горле, – Где океан под моими ногами? Кто вы? – она посмотрела на него, – Я хочу знать, где я. Вы понимаете?

Глаза ее лихорадочно заблестели. Она громко чихнула и закашлялась, перемешав мысли в голове. Слезы навернулись у нее на глазах: ей хотелось закопаться в землю, в тепло, где ее никто не потревожит.

– Ты хочешь есть? Тебе наверняка холодно... – неожиданно заботливо проговорил Падиф, – Подожди-ка меня здесь, принесу тебе что-нибудь потеплее, – и он спрыгнул с обрыва.

У нее выпучились глаза, она дернулась, чтобы вскрикнуть – но вспомнила, что люди в этом мире умеют прыгать по деревьям.

Несколько минут ей казалось, что она была одна. Спустя лишь какое-то время она скорее ощутила, чем вспомнила, что рядом с ней остался старик. Медленно она повернула к нему голову: он ровно смотрел на нее, и ничего не было в его взгляде. Она отвернулась и начала думать, что ей делать.

Но Падиф вернулся скоро, выскочив из густой зеленой кроны. За пазухой у него была охапка одежды. Он бросил тряпье ей, и она быстро обернулась в меховую накидку и шерстяные штаны. Через секунды ей стало мягко и тепло. Мурашки пробежали по ее коже, она довольно зажмурилась и медленно посмотрела на Падифа. Они со стариком тоже смотрели на нее. Как только их глаза увидели ее взгляд, мужчина улыбнулся, подошел к ней, прошел мимо и скрылся в лесу. Она растерянно посмотрела на старика. Тот только кивком указал ей, что нужно следовать за черноволосым.

Падиф ступал медленно и размерено, пригнувшись и озираясь вокруг. Неосознанно, она старалась тоже идти осторожно, по его следам, копируя его движения. Она слышала, как тихо перешептывались деревья: они словно обсуждали ее, следили за ней, смеялись. Это ощущение пугало ее, и она пристально вглядывалась в сереющее пространство между сырыми стволами. Холодное дыхание тумана обволакивало ее кожу, и ей становилось нечем дышать...

Они то спускались, то поднимались. Чем дальше они шли, тем напряженнее становился Падиф: он то и дело вздрагивал, хватался за эфес своего ятагана и постоянно оглядывался на нее. Когда его огромные и задумчивые глаза поворачивались к ней, она почему-то чувствовала безопасность.

Через какое-то время перед путниками проступила поросшая лишайником и мхом каменная стена. Падиф свернул, прошел вдоль несколько шагов и вдруг скрылся в глубине камня. Если бы он этого не сделал, то она даже не заметила бы входа в пещеру.

Внутри оказался туннель. Пройдя сквозь него практически на ощупь, она вышла вместе с мужчиной в густой лес. Справа и слева, насколько было видно, тянулась скала. Они прошли немного вдоль нее и вышли на просторную каменную площадку. С трех сторон площадка был окружена лесом, а в камне зияло черное отверстие пещеры. Рядом стояла скамья и было кострище с вертелами.

Энди не могла ни о чем думать, даже о еде. Адреналин мешал ее мысли, она надеялась, что Падиф не причинит ей боли, а просто даст поспать в своем доме. А то, что это его дом – она не сомневалась.

Это чувство было словно в воздухе: казалось, что даже камень под ногами нагревался от встречи с Падифом. Мох будто терся об его ноги, а валуны дрожали, силясь сдвинуться с места, чтобы быть ближе к нему. Даже деревья разговаривали по-другому: они звенели радостно. Юноша же не остался в долгу: он звонко рассмеялся и погладил камни, деревья, мох.

Энди не могла понять, что он чувствует. Зачем он радуется вещам, которые пользуется каждый день? Она не могла даже задать себе этот вопрос. Окружающий мир не существовал для нее.

– Для чего мы пришли сюда? – слабо намекнула она, кутаясь в плащ.

Падиф вместо ответа странно на нее посмотрел, но, будто одумавшись, кивнул головой. Он подошел к скамье и пригласил ее сесть.

– Я знаю, ты устала, но может, все-таки поешь? Спать будет легче, – сказал он.

– Да. Давай, – не сразу ответила она.

Как только она уселась, перед глазами затуманилось, а голова закружилась. В желудке вдруг поднялся ураган голода, который терзал ее с не меньшим усердием, чем усталость. Она наклонилась набок и закрыла глаза.

– Ну а я пошел за обедом, – как из-под воды услышала она.

Страх остаться без него охватил ее, и она резко выпрямилась. Тревога заблестела в ее глазах, она сжала края сиденья.

– Я пойду в пещеру и принесу еду, – спокойно проговорил Паdif, словно понимая смысл ее беспокойства.

Он вернулся с куском сырого мяса, уселся напротив и стал насаживать его на вертела. Запах пищи еще больше натянул ее нервы, она не могла просто так сидеть.

– Может, схожу и наберу хворосту? – предложила она.

Мужчина поглядел на нее с сомнением.

– Да.

Она посидела еще несколько секунд, размышляя над неоднозначным поведением хозяина этого места. Вдруг это какая-то ловушка? Она ведь совсем не знает человека напротив. Но отступать от своего решения без видимых причин ей не хотелось. Она встала и вошла под кроны деревьев.

Она по-прежнему видела Паdifа, склонившегося над костром, солнце, золотившее гору, но внутри восторжествовал страх.

Он подкрадывался к ней все время, пока они шли через этот лес. Он стерег ее в тюрьме. Он звал ее, пока река уносила ее от двух всадников. Это была неизвестность, которая ослабляла ее разум, усиливала эмоции и питала надежды. Она ведь могла столько раз убежать от Паdifа, но не делала этого. А ведь он и не держал ее, он бы отпустил и не преследовал. Она надеялась, что он может вернуть ее домой.

Она хотела пройти дальше в лес, но будто прозрачная стена мешала ей. У нее задрожали руки, и она услышала, как оправдывает внутри свой страх.

– Нет! – прошептала она, сделала шаг и начала собирать сухие ветки.

Но когда она повернулась обратно сторону пещеры, голос раздался у нее в голове. Она выронила охапку хвороста. Голос то становился громче, то шелестел как будто бы очень далеко. Девушка крутилась не месте, словно пытаясь поймать источник звуков.

– Кто это? – не выдержала и крикнула она.

Голос сразу же стих и прекратился. Она стояла неподвижно, прерывисто и нервно дыша.

– Кто это был?

Ее голову, казалось, разорвало на куски, оттуда вышибло все мысли, осталась только боль. Она больше не могла думать, принимать решения, сопротивляться – она размылась в пустоте. И голос, полный власти, загремел перед ее взглядом. Но она не могла понять слов. Она только корчилась от бессилия в пространстве.

Постепенно боль стала остывать, а голос стихать, и она успокоилась. Медленно поднявшись, она неровными шагами вернулась к Паdifу.

– Что это такое там, в лесу!? – закричала она, – Ведь ты знаешь, знаешь и не говоришь, специально отправил меня за типа хворостом, да? – в ней бурлило все, – Объясни же мне! Хочешь в психушку положить? Я все еще в городе? Зачем тебе это шоу? Что ты положил мне в голову, вытащи этот голос, мне больно! – возопила она.

При последних ее словах выражение его лица стало более чем серьезное и обеспокоенное. Это чуть утихомирило ее.

– Ты слышала голос, приносящий тебе боль? – спросил он.

– Ха! А то ты не знаешь, – начала снова было она, но Паdif властно поднял руку, и было столько силы в этом жесте, что она замолчала.

– Что он сказал?

Она сбилась от этого вопроса. Что он сказал?

– Я не знаю. Я не понимаю... – она смутилась: взгляд Падифа был таким серьезным и искренним, что она хоть и не верила ему, но успокаивалась, – Мне было больно... – она закрыла лицо ладонями и, замотав головой, тяжело задышала.

Через несколько секунд ее прозрачный и прямой взгляд пронзил юношу.

– Объясни мне, что мне об этом думать и что это было? Я прошу тебя, – добавила она.

– Хорошо, – он сочувственно кивнул, и усталость отразилась в его глазах, – Но мне, как и тебе, нужно поесть. Рассказ не из коротких предстоит.

Он нагнулся и уложил хворост на теплящие угли – яркое пламя вспыхнуло, раззадоренное его дыханием. Он водрузил мясо над огнем и принялся с задумчивым и мрачным видом медленно прокручивать его. Она сидела тихо и неподвижно. В неровном свете огня казалось, что костер горит и в глазах юноши. В такие мгновения в памяти девушки возникал другой всадник, тот блондин, который чуть не застрелил ее у водопада. Когда он тыкал древком стрелы ей в лицо, глаза его полыхали точно так же. От этого ей было немного не по себе, но если огонь желтых глаз того человека был нетерпелив и зол, то пламя в темных очах Падифа мерцало спокойно и тепло. Но блеск в глазах обоих мужчин был каким-то нечеловеческим, неприрученным. Когда еда была готова, Падиф протянул ей кусок.

– Помни: не все постигается словами, – начал он говорить, – Ты попросила меня объяснить тебе, что за голоса слышатся тебе в голове. Но для ответа необходимо удалиться в прошлое. Живой мир – Инскримен – окружен зимой, и там нет жизни. Наши летописи говорят, что когда мрак и холод еще властвовал над всей землей, когда было еще отравлено все вокруг, один человек начал жизнь в зиме. Ему были подвластны любые из сил, и достаточно было лишь попросить, лишь найти для этих сил энергию, и любая его просьба исполнялась. Он нашел способ добывать из окружавшей его смерти эту энергию, и с каждой его просьбой зима разрушалась и возникала жизнь.

Первопроходец попросил основания создать людей. Но для этого миру нужен был человеческий разум. И он позволил основаниям взять его мысли и чувства. Впустив в себя основания и отдав им часть себя, Первопроходец не мог умереть. Но закон, по которому он создал жизнь из смерти, стал основой существования остального мира: одни умирают, чтобы дать энергию для жизни другим.

Разум Первопроходца был в людях, в земле, в камнях и воздухе, в огне и воде – весь мир был полон и един в себе. Первопроходец научил людей разговаривать с основаниями, с которыми люди были целое. Люди тогда жили в гармонии. Но словно произошла какая-то ошибка, и люди начали меняться. Они перестали общаться с основаниями, перестали просить, а вместо этого начали брать. Первопроходец исчез, затерялся, как будто мир забрал его оттуда, откуда привел. И тогда новоизбранные вожди людей загордились, зарделись в своей власти и стали ссылать верных основаниям в места, где еще властвовала смерть. В основном это были Бринчатые скалы, откуда зима уже ушла.

И тогда люди разделились на жителей заснеженных равнин и жителей Бринчатых скал или на твоём языке, скал рока. Последние не выдержали унижений и лишений, и подняли войну на своих бывших братьев. Ни воины со скал, ни с равнин не уступали друг другу.

В разгаре этой войны на обе стороны напала еще одна, третья. Другие люди появились из ниоткуда, и некоторые предполагают, что зачатками этой армии стали первые изгнанники с равнин, которых переманил в Цараненные горы Фиолетовый лидер, от которого летят молнии и огонь. Новая армия использовала незнакомое оружие, была закована в доспехи, и просто истребляла людей и со скал и с равнин.

Но однажды появилась еще одна, четвертая армия. Она состояла из снега, льдов и ледяных существ, количество которых равнялось нескончаемости. Главой этой армии стал человек,

который помнил и чтит еще основания, и умел просить их, и обладал силою мощной, словно бы сам мир вел его за руку. Человек обосновался здесь, на горе Ревен, и назвался валеном. Он выступал против третьей армии, и именно он сплотил вновь людей равнин и людей скал, дал им силы вспомнить основания, силы бороться с той армией, которая пришла из Цараненных гор. Тех, кто послушался его и вновь научился говорить с основаниями, он называл таленами.

Вновь сплоченное племя людей назвалось леканами, а противников их называли яриками. Вражда между ними идет и по сей день, уже многие десятилетия.

После ухода валена, на горе Ревен, где он обитал, стали жить мои предки. Мы – те люди, которых этот человек обучил сам, заставил вспомнить основания. Мы боремся против яриков вместе с леканами.

Существует вера, что вален вернется, чтобы закончить войну. В тот день, когда мы, то есть другой всадник и я, поймали тебя у водопада, лес Хафис возрадовался и возликовал своей смерти – обычно так не происходит, обычно они просят взамен. Я почувствовал это, ощутил, как стараются они и трудятся, отдавая свою жизнь и энергию, чтобы выполнить чью то просьбу. Ни один из нас, таленов, не может заставить основания сделать что-то, не заплатив за просьбу. И я понял, что вален вернулся. Ибо говорят, что в прошлом он мог просить мир и ничего не давать ему взамен – настолько было велико доверие мира к нему.

Сомнений не могло остаться, когда река и гора наша шептались между собою, охраняя кого-то от опасностей, ликуя. И когда тот всадник, что преследовал тебя, вернулся с тобой, я решился заглянуть в твои мысли. Да, да, мы можем это, ведь мысль человеческая есть в основаниях. И я увидел твою просьбу. Но я не вижу твоего прошлого, словно бы тебя привел и создал мир и основания, как привел и создал первого человека, и это совпадение успокаивает меня, ибо вален есть продолжение Первопроходца, хотя нет такого слова, которое бы описало связь между валеном и первым человеком.

Но есть кое-что, что тревожит меня. Я видел обрывки твоих мыслей и снов. Они пугают: то, что хранится в них – жестокость, ложь и пошлость – принадлежит ярикам. Ярики способны на многие ужасные вещи, и каждый раз они удивляют нас. Потому я не могу быть уверенным, что ты не из них. Но думая об этом, я устрашаюсь и своих мыслей: неужели мир и основания осерчали на нас, что избирают валена из яриков? Или мы загордились, считая себя достойными, но мир отдает себя ярикам – более достойным людям?

Падиф замолчал. Тихо шелестел ветер в кроне деревьев, трещал догорающий костер, кричала вдалеке птица. Солнце закатывалось и заливало холодеющее небо рыхлыми и бледными сполохами. Деревья за мужчиной склонили ему на плечи ветви, и казалась, они тоже слушали его рассказ. Камни не светились больше, но как будто старели, покрывались дряхлостью лет, оседали по краям утеса.

– Камни помнят прошлое лучше любого из людей, – сказал Падиф, – Потому они так молчаливы.

Она подняла на него глаза. Он сидел, сторбившись, подперев себя ладонью об колено, словно тяжкий груз лежал у него на спине. Взгляд его участливо скользил по камням и, казалось, старел вместе с ними. Ей стало жаль его.

– Я не знаю прошлого, что ты сказал мне, – заговорила она, но он не отреагировал, – Я не тот, кого ты ищешь, даже если все это правда. Мое прошлое... Оно такое, как ты сказал: жестокое, пошлое, лживое, но оно не только мое. Оно должно быть и твоим тоже. Я не верю тебе. Да, наш мир не идеален, но... О, я будто не видела этого раньше. Но какой смысл? Где я?

Она забормотала, но неожиданно прервалась. В ее глазах появился желтый свет.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – твердо сказала она, вскинув взгляд.

Он встал и протянул ей руку.

– Пойдем, я покажу тебе.

Она смотрела на его руку недоверчиво. Она не хотела касаться его, но не из-за страха или отвращения, гнева. Этому противилось какое-то другое чувство. Она не могла определить его.

Паdif будто заметил это, нахмурился и убрал руку за спину. Но в его глазах не было оскорбления или укора. Через несколько секунд он отвернулся от нее и зашагал к лесу. Она побрела за ним.

В этот раз лес не пугал ее. Темнота стусилась между стволов, мох пропитался влагой, а тишина давила на уши, но впереди нее шагал Паdif, который словно распространял вокруг себя безопасность. Если лес и злился их вторжению, то эта злоба теперь ложилась только на плечи мужчины.

Ее мозг полнился образами, которые вложил туда рассказ Паdifа, а тело словно скручивалось внутри себя от усталости. Она брела так, как если воздух стал плотнее, а время замедлилось, более того, из-за темноты и близорукости она почти ничего не видела. Ей казалось, что это не она идет, а деревья и земля двигаются вдоль ее неподвижного тела.

– Сейчас Ламар во власти, – услышала она и вздрогнула, – Да, Ламар властвует над всем, что живет в земле, – сказал Паdif.

Он внимательно осмотрелся и замер. Глаза его глядели куда-то в пустоту.

– Ламар согласился сделать это, потому что это ради твоей веры. Но обычно мы не поступаем так, – проговорил он, и она услышала, как рвется трава.

Девушка медленно, опасливо повернулась. Трава, что обвиняла ствол, обрывалась; мох, что накрывал корни, выворачивался наизнанку – дерево двигалось и выдирало себя из почвы. Один корешок вырвался наружу резко, разбрасывая комья земли, и протянулся вперед. Другой корешок появился рядом, еще один, третий – и дерево, поднявшись, рухнуло в метре от своего гнезда. Оно выпрямилось, вскинуло ветви вверх и, как будто изнемогая, снова поднялось и сделало еще один «шаг». Корни будто нащупали новое основание и нырнули в землю, взрывлив ее – дерево выпрямилось, раскинуло ветви и успокоилось.

Она тихо застонала. Она не могла двигаться – она боялась деревьев, ведь они могли захватить ее, отомстить за то, что она сделала с ними там, в другом лесу... Она вскрикнула и тут же зажала рот руками. Паdif подскочил к ней и схватил ее за плечи. Его черные глаза вонзились ей в мысли. Его голос расколол ее мозг.

– Это власть талена, – сказал он – и это было последней каплей в ее самообладании – тьма поглотила ее потрескавшийся разум.

Сквозь промежутки пробуждения она ощутила, как Паdif взял ее на руки, принес в пещеру и уложил в постель из сена и мехового одеяла. Она не могла противиться обмороку и сну, которые мешались в ней. Она не доверяла ничему и боялась всего, но не могла держать глаза открытыми. Сон – мертвый и черный – сковал ее.

Щекотка в горле заставила ее проснуться среди ночи. Она закашлялась и села, громко чихая. Утерев нос, она глянула вперед.

В пещере не потухли всего два факела, снаружи по камням стучал дождь. Кровать Паdifа почти не было видно – но она разглядела, что там были две фигуры вместо одной. Сердце ее быстро запрыгало в груди, и она пожалела, что проснулась.

– Кто это? – взволнованно воскликнула она.

Ветер прокрался в пещеру и всколыхнул пламя в факелах – она ясно увидела и Паdifа и того старца. Одежды последнего, утром просто старые и оборванные, сейчас походили на кучу грязи. Он был очень встревожен и жестикулировал, явно передавая какие-то сведения. Паdif не двигался.

Вспышка ее страха угасла, и вместе с ней потух еще один факел. Похоже, ее восклицание никто не принял во внимание, потому она медленно легла обратно в постель. Но вид обеспокоенного старика, который явно очень спешил со своими вестями, если пришел сюда в такую погоду, не давал ей сомкнуть глаз. Она смотрела на две тени перед собой, ожидая.

Старик наконец-то перестал дергаться. Какие-то секунды Падиф все так же сидел неподвижно, а сердце ее уже стало успокаиваться. Но вдруг он всколыхнулся, а сквозь пещеру к ней раздался его резкий голос.

– Уходим!

Но тут же раздался отчаянный крик старика, молния полыхнула вдаль, сопровождаемая раскатами грома. И в следующие секунды несколько событий быстро сменили друг друга. Кровать Падифа протяжно и ветхо заскрипела, в проходе появились фигуры незнакомых людей. Каменные стены дрогнули от удара – одеяло слетело с ее тела, а сама она упала на пол. В тот же момент молния, разветвляясь, вспыхнула в пещере, и несколько мужских голосов вскрикнули. Едкий дым ударил ей в ноздри, и она согнулась от кашля. Блеск оружия отразился в чьих-то глазах совсем рядом. Лезвие вспыхнуло ярким, озарившим все вокруг огнем – Падиф стоял с перекошенным лицом, сжимая в руке длинный полыхающий ятаган. Клинок вспыхнул и померк, и тут же несколько глухих ударов разнеслось об стены. Она застонала от боли и неизвестности, когда вдруг все стихло.

Время, ускорившись, теперь как будто замедлилось: она чувствовала лишь, как дым заползает ей в легкие. В темноте чьи-то руки вздернули ее на ноги, набросили на голову мешок, связали руки и ноги и взвалили на чьи-то плечи.

Как только ее вынесли наружу, она промокла насквозь. Носильщик ее подпрыгнул и опустился на что-то шаткое, и снова подпрыгнул. Энди поняла, что они передвигаются по кронам деревьев, как поступал и Падиф. Значит, что ее захватили его соплеменники?

Ветер хлестал ее лицо, небеса громыхали над головой, молнии вспыхивали белым светом сквозь мешок. Ей хотелось закрыть глаза, уснуть, а проснувшись, понять, что всего этого не было.

Но она не могла уснуть. Они прыгали среди тонн воды, и иногда казалось, что она барахтается в океане. Но неожиданно раздался лязг цепей, и шторм остался где-то позади: его звуки стали шептаться, как за плотной стеной. Ее носильщик сбросил ее на что-то плоское – на мгновение она подумала, что они сбрасывают ее с обрыва, и ее дыхание остановилось...

Внезапно раздался стук, послышался свист, и промозглый ветер охватил ее сырое тело. Зашуршали чьи-то сапоги, буря снова стихла, а она согнулась и чихнула от пронявшей ее дрожи. В горле запершило, она стала глотать воздух и хрипло кашлять. Она хотела унять эти потуги, потому что ей было больно в груди, но не могла. Обессиленная, она упала на колени, но секунды спустя твердые руки сжали ее плечи и вздернули на ноги. Повязка слетела с ее глаз.

Она увидела большую комнату, освещенную факелами – их тени вздрагивали на сквозняках, отчего казалось, что стены двигались. Ее окружали четыре охранника с мечами на поясах. Напротив, в высоком металлическом кресле сидел мужчина. Он был не стар и не молод, уже в летах, но по-юношески статен. У него были огромные синие глаза, вытянутые уши торчали сквозь длинные и курчавые черные волосы с сединой. Резкие черты лица перекрывала тонкая сетка из морщин и усталости. Этот мужчина смотрел на нее настороженно и придиристо, в его глазах была власть, под действием которой ее сердце сжалось.

Это чувство напомнило ей что-то – как будто она уже ощущала этот взгляд раньше. Она посмотрела на него внимательно...

Внезапно Энди услышала рядом шевеление и повернула на звук голову: поддерживаемый двумя людьми под руки, откуда-то сбоку появился Падиф. Его колени бессильно волочились по полу. Он был в крови и лохмотьях, голова его безжизненно болталась на шее, а на поясе не было оружия. Чуть поодаль, в окружении охраны, стоял, весь трясясь, старик. Вид у него был измученный и изодранный, у него руки были в земле, а глаза – в слезах. Старик посмотрел на нее безучастно, но только на секунды – взор его был прикован к Падифу.

Девушка снова посмотрела на мужчину в кресле. Он тоже смотрел на нее. Заметив ее внимание, он открыл рот, и оттуда раздались шепелявые и шелестящие звуки, которые она уже слышала, но не могла понять.

Но его голос словно разбудил ее. Она выровняла дыхание и смело заглянула ему в глаза. Злоба за то, что он сделал с Падифом, начала подниматься в ее душе, как водопад: стремительно.

– Я не понимаю вас, – произнесла она твердо.

Он сощурил глаза и немного опустил голову.

– Я спросил: кто ты? – произнес он. Выговор у него был неровный, некрасивый, но властный.

Она устало вздохнула.

– Давайте лучше вы сначала скажите, кто вы, потому что я одна здесь, похоже, этого не знаю, – тихо и спокойно предложила она, смотря в сторону.

Мужчина в кресле вскинул на нее острый взгляд. В нем был гнев и удивление.

– Даже ярик в чужом доме и будучи в плену не станет задавать вопросы, ибо участь его решится только из его ответов, – вкрадчиво и с расстановкой сказал он, и, оперевшись на подлокотник, вытянул спину вперед, приближаясь к ней, – Или ты считаешь себя гостем более сильным и более великим, нежели хозяин?

Она закрыла глаза. Она могла сейчас ответить «нет», но не знала, зачем ей это говорить. Поэтому она молчала и чувствовала, как гнев клокочет в ней.

Хозяин этого места долго смотрел на нее в ожидании. Потом он ухмыльнулся и повернулся к Падифу. Стражи сильно встряхнули юношу – она услышала это и распахнула глаза на своего единственного знакомого в этом мире. Он не поднял голову, но подобрал под себя ноги. Стражи отпустили его, и он сел на колени, сгорбившись.

Мужчина в металлическом кресле плавно и равномерно опустился на спинку своего сиденья. Он смотрел на Падифа долго, проникновенно и вкрадчиво, словно хотел убедиться в чем-то, что можно еще изменить, чего может еще не быть.

Несколько минут никто не двигался. Энди не могла понять, что происходит. Мужчина в кресле смотрел на Падифа, а Падиф, наконец подняв голову, смотрел на него. В его мутном и болезненном взгляде было сопротивление и сожаление.

Неожиданно мужчина в кресле взревел, глаза его запылали безумством. В ту же секунду Энди услышала сбоку от себя приглушенный девичий крик и повернула голову: там, в проходе, стояла невысокая черноволосая девушка, а рядом с ней тот самый желтоглазый всадник, что выследил Энди у водопада. Девушка, вскрикнув, закрыла рот ладонью и рванулась вперед, в зал, но светловолосый схватил ее за руку, удерживая; девушка затрепыхалась, он прижал ее к себе, взгляд его взметнулся на Энди: она увидела злобу и ненависть.

Воздух вокруг мужчины в кресле словно сгустился, обвил и рассыпался, и через мгновение Падиф поднял перед собой раскрытые ладони, словно заслоняясь от чего-то. Глаза его остекленели, руки задрожали. Энди раскрыла рот от ужаса: было что-то жуткое в этом молчаливом представлении.

Мужчина в кресле начал брызгать слюной от ярости. Но спустя миг Падифа отшвырнуло назад, он пролетел через весь зал и с силой ударился о каменную стену. На мгновение он застыл с раскинутыми в разные стороны конечностями и быстро скатился на пол. Он не встал.

Раздался глухой девичий крик. Падиф не двигался, и Энди не могла видеть, дышит ли он, поднимается ли его грудь, темнота заливала ее сознание, дождь стучал в ее мозгу. Она медленно повернулась к незнакомому мужчине: он сел в кресло и смотрел на тело Падифа. Но она не видела этого. Она оттолкнула от себя копья, поранившись, и рванулась трону.

– Ах ты! – заорала она, глаза мужчины округлись, но стражники ухватили ее за талию, оторвали от земли и понесли прочь из зала. Она билась и трепыхалась, совсем как та девушка в проходе, но очень скоро разум ее просто закрыл занавес, и она видела только темноту...

Неясные образы мелькали в пространстве вокруг нее, вились в темноте, и тихий шепот говорил в глубине ее разума. Она села и начала тереть лоб ладонями, стараясь унять этот голос.

– Оххх, хватит... Хватит... – слабо взмолилась она и снова повалилась на спину.

Она лежала так немного. Шепот наконец-то стих, и она, приподняв голову, огляделась. Она снова была в тюрьме, каменной камере с деревянной дверью и квадратным небом в решетку.

– А-а-а, – тупо улыбаясь, протянула она, – Я уже привыкаю! Не беспокойтесь! Только вот когда завтрак? Или обед? Или ужин? – она требовательно покосилась на дверь, – Эй! Эй! – закричала она и захихикала, зажмурившись и тут же потеряв сознание.

Ни разу не виденные, не слышанные, не пережитые события вертелись в ее снах, которые растягивались на несколько дней. Белый, ослепительный блеск осенял вершины гор, остроко-
нечные пики башен светились на бледном солнце... Много, много людей толпились внизу, как муравьи, беспокойно, метаясь в разные стороны... Ей что-то вливали в горло. Рядом стояли люди, прозрачные, как будто из воды, и не двигались. А внизу расплывалось черное, гладкое, как зеркало, озеро, и в нем были тела мертвых... Голос надвигался на нее, громкий, он был везде.

– Скорее же, быстрее!

Энди свалилась с кровати, хватаясь за голову в попытках унять жжение и боль, что раскалывали ее на части. Внутри гремел и резал настойчивый шепот в голове.

– Да, да! – завопила она, и согнулась крючком. Голос стал удаляться, эхом повторяя болезненные приказы.

– Что случилось, очнись! – другой голос, ясный, звонкий раздался у нее над самым ухом.

Она подняла от пола гудящую голову, в которую словно изнутри колотили молотком, затуманенные глаза ее жалостливо посмотрели вверх.

– Падиф! – задохнулась она.

– А ты что думала, что я умер? – насмешливо, но тревожно буркнул он.

Она залепетала что-то, опуская голову.

– Ладно, некогда, – проворчал Падиф, схватил ее под мышки и усадил на кровать, она уставилась в его задумчивые, но наполненные энергией глаза, – Сейчас важно одно: твой выбор. Я могу оставить тебя здесь, а ты находишься в тюрьме ревенов. Но я могу забрать тебя, и это будет побег, после чего я расскажу тебе все, что спросишь, научу возможностям валена и сделаю из тебя сильного воина и мудрого талена, но сильно повлияю на твои будущие решения, поступки. Выбери.

Его неожиданное появление, радость за его жизнь мешали ей думать.

– Время не ждет нас, Энди! Я ухожу! – сказал Падиф.

– Нет, подожди! – она ухватила его за полы черного плаща, – Все будет хорошо? Они не будут бить меня? – вытаращив глаза, спросила она со слезами.

Падиф не ответил, но она увидела в его глазах волны раздражения, что захлестнули его сознание. Он вскинул голову и повернулся от нее к проходу.

– Нет, нет, я иду с тобой! – вдруг воскликнула она, и что-то гигантское, мощное шевельнулось в ней, сдвинуло огромную плиту, изменило все. Силы, которые, как она думала, она потеряла навсегда, вернулись к ней. Она выпрямилась, встала.

– Тогда накинь вот это, – отрывисто сказал Падиф и достал откуда-то из-за пазухи плотно свернутый моток черной ткани.

Она развернула ткань и накинула на себя такой же плащ, который был на Падифе. У нее тряслись руки от страха и она не могла зашнуровать накидку на груди. Мужчина подскочил

к ней, шлепнул ее по ладоням и быстро затянул веревки вместо нее. Он накиннул ей капюшон на голову.

– Иди спокойно и медленно, молчи, не останавливаясь, – только и сказал он и, ухватив ее за конец бечевки, которой опоясал, пошел ко входу.

Когда он дернул ее, Энди ступила шаг вперед, но больше не двинулась. Падиф снова дернул ее, но она уперлась стопами в пол. В ответ на молнии в его глазах она замотала головой в стороны.

– Нет. Нет-нет. Я не собака, чтобы вы все так со мной обращались, – забормотала она, смотря в нетерпеливые черные глаза.

Взгляд Падифа расширился, а в лице его вдруг наступило понимание. Он ослабил веревку.

– Энди, так нужно, без этого я не смогу вывести тебя, – неожиданно ровным и спокойным голосом сказал он.

Его слова убаюкивали, но она не могла двинуться с места.

– Либо ты идешь так, либо ты не идешь, – уже холоднее промолвил он.

Она качала головой, в которой танцевали противоречивые мысли. Наконец, она опустила взгляд и ступила вперед. Падиф медленно кивнул, развернулся и натянул веревку.

Сквозь узкий проход они вышли в не менее узкий каменный коридор. По стенам были развешаны горящие факелы: в мерцании огня казалось, что камни зорко следят за преступниками и переговариваются между собой.

Они прошли несколько метров до поворота. Падиф осторожно ступил за него, уводя ее за собой. По бокам были двери от других камер, воздух тяжелел от тишины.

Падиф шел плавно: балахон на его плечах будто скользил по полу без тела. С каждым его шагом Энди казалось, что он становился все более невесомым, легким, даже прозрачным. Вот уже она едва видела черный цвет его одежды, различала блеск его глаз – еще несколько шагов, и он исчез.

Энди остановилась, открыв рот и расширив глаза. Она затрясла головой, пытаясь проснуться, но почувствовала, как веревка дернула ее за талию. Она посмотрела на свое туловище и поняла, что оно тоже стало прозрачным, каким-то серым. Она хотела вскрикнуть, но только открыла рот – ни звука не донеслось из груди, и она не поняла, то ли это она вспомнила приказ Падифа молчать, то ли ее голос вдруг просто не отразился от стен.

Веревка снова дернула ее за талию, и тут она вспомнила ходячее дерево и допустила невозможное. Закивав, она наконец повиновалась зову невидимого Падифа.

Она шла медленно, насколько могла, чтобы всегда чувствовать натяжение веревки. Впереди замаячил еще один поворот, и веревка ослабла. Энди остановилась.

– Согнись немного, руки засунь в рукава, передвигайся как можно плавнее, лучше мелкими шажками, и ни в коем случае, *ни в коем случае* ничего не говори, – услышала она шепот Падифа так близко, как если он говорил ей в ухо. Через несколько мгновений веревка снова потянула ее вперед, и они повернули за угол.

В конце коридора за поворотом были двери, у которых стояли два охранника с длинными копьями. Они смотрели на нее, пристально и озабоченно. Каждый шаг давался ей с трудом – она хотела развернуться и побежать, хотя бежать было некуда. Когда она подошла вплотную к дверям, то грудью уперлось во что-то невидимое и встала между стражниками, которые при ее приближении выпрямились и преградили путь копьями. Сердце ее застучало так сильно, что мешало дышать, и ей казалось, что она не дышит вообще.

Они все смотрели на нее, но она не поднимала головы. Никто не двигался. Но через минуту копьа раздвинулись перед ней, а ворота открылись. Гонимая вперед веревкой, она вошла в новый коридор. У нее темнело в глазах, в горле щекотало до слез, но она не смела даже сглотнуть слюну – нервов ее едва хватало, чтобы не упасть.

Сзади ее обошел еще один охранник, только лицо его было сокрыто опушенным забралом легкого шлема, одет он был в дорожную куртку. Он прошел вперед и открыл перед ней еще одни ворота – она прошла сквозь них, следуя беззвучным указаниям Падифа.

Там было еще одно помещение – круглое и тесное, с маленькой дверью напротив, рядом с которой стоял коренастый и широкоплечий мужчина. Она вновь остановилась и стояла неподвижно, пока он не отошел в сторону, а дверь не распахнулась сама собой. На нее дунул холодный воздух, а в ночной темноте она разглядела деревья. Она ступила за пределы тюрьмы. Вслед за ней прошел и человек в шлеме.

Землю устилал молочный туман, из-за чего казалось, что во мху были сырые облака; серо-синие небеса тускло освещались звездами. Полуголые ветви деревьев плотно нависали над головой. Воздух был какой-то спертый и тяжелый.

Веревка задергала ее, а мужчина в шлеме пошел вперед. Она пошла за ним и ей казалось, что она чувствует дыхание Падифа на своих щеках – он был совсем рядом.

Он, они вели ее через лес долго, медленно. Чем дальше они уходили от тюрьмы, на которую она не осмеливалась оглянуться, тем больше усталости она чувствовала, хотя воздух вокруг очищался и становился легче. Деревья расступались, мысли в ее голове освобождались от страха. Она начинала поднимать голову и спрашивать себя о человеке в шлеме – долго ли Паdif будет терпеть его?

Наконец, когда дышать ей стало совсем легко, а ноги едва ли не волочились по земле, они остановились. Неизвестный мужчина развернулся к ней лицом и снял свой шлем.

Это был он, тот мужчина с горящим желтым взором, который поймал ее у водопада и который смотрел на нее с ненавистью, пока Падифа швыряли по стенам. Глаза его и сейчас полыхали отвращением к ней и светились во мгле желтыми огнями. Он скользнул по ней глазами и вскинул взор куда-то в пустоту. Девушка, насилу отрывая от него удивленный взгляд, посмотрела туда же.

Из ночной тьмы, сначала теряясь и сливаясь с деревьями, мерцая, проявился наконец-то и сам Паdif. Его черные курчавые волосы делали его похожим на маленькое деревце: он словно отделялся от леса, становясь все более и более человеческим. Когда он подошел вплотную к ней, тело его обрисовало нормальный силуэт, а в глазах появилась твердость и восторг. Его губы дернулись в улыбке, и она вдруг искренне поверила, что она – свободна! Резкий прилив радости заставил ее вскинуть руки и тихо хлопнуть в ладоши. Паdif ухмыльнулся ей в ответ и подошел к союзнику.

Они не разговаривали – по крайней мере, она этого не слышала. Но тут Паdif поднял ладони и начал жестикулировать перед лицом другого мужчины, а тот стал махать руками в ответ. Их взгляды пересекались, как мечи. От них исходила какая-то сила, которая отталкивала и объединяла их – иногда ей казалось, что они – две части чего-то, давно разбитого.

Шум из беззвучного спора разносился вокруг не словами, но воздух впитывал их страсти и обдавал накаливаемыми волнами тело Энди. Она покачивалась – то ли от этой энергии, то ли от усталости, пока неожиданно не наступила тишина. Светловолосый выпрямился, быстро взглянул на Падифа и, приняв из рук последнего протянутый ему шлем, развернулся и начал быстро удаляться вглубь леса. Через несколько секунд из него всего виднелись только его белые волосы, а через минуту он полностью растворился во мраке. Паdif вздохнул и подошел к ней.

– Все складывается более чем хорошо, – тихо произнес он и поглядел куда-то в пустоту, – А потому цепляйся за меня и держись как можно крепче и ни в коем случае не кричи, не вопи! Сейчас самое важное – скорость, а потому я понесу тебя древесным путем, – сказал он и повернулся к ней спиной, – Ну же, хватайся!

Энди засмушалась, но в конце концов она вскарабкалась ему на спину. Паdif резко вскочил и, подобно испуганной кошке, завилял ловко между тесными рядами деревьев. Ее голова откинулась назад, но она, преодолев внушительную силу инерции, прижала лоб к его шее.

Он бежал, как если бы порхала бабочка – бесшумно, легко и очень быстро, словно совсем не чувствуя у себя за спиной массу плоти и костей, а она именно так себя и чувствовала: при неожиданных поворотах ее заносило в сторону, при прыжках придавливало книзу, а когда он погружался в овраг, взлетала на доли секунды вверх. Иногда ей казалось, что она упадет, но в те мгновения Падиф хватался своими забронированными в жесткие перчатки ладонями за ее руки и крепко их сжимал.

Он бежал еще быстрее, разгоняясь, и тут в животе у нее образовалась дыра – он подпрыгнул высоко и резко, зацепился за сук и, перекувырнувшись, встал на него. Ее чуть не стошнило, а он уже прыгнул на другую ветку более высокую и тонкую, а потом еще выше, выше – едва он касался сучков, как уже летел к другим. Иногда ей казалось, что она теряет сознание, но конечности ее будто онемели и плотно обвивали Падифа. А он сжимал ее ладони своей рукой...

Но тут Падиф упал на что-то устойчивое, завертелся и плавно сбросил ее с себя, посадив на твердую поверхность. Она закачалась, медленно встала на карачки и ее стошнило слюнями и желчью. Неловко вытерев рот ладонью, она перекатилась обратно на спину. Падиф стоял перед ней, самодовольно улыбаясь. Повернувшись на бок, она осмотрелась.

Они находились на какой-то каменной площадке, похожей на ту, куда Падиф уже однажды привел ее. Большая часть площадки острым краем поддевала горизонт, который раскинулся над огромной равниной. Лес был за их спинами, а сбоку была каменная стена горы.

– Где это мы сейчас? – спросила она.

– Это скрытое место, о нем знают лишь несколько человек, называется оно Предзакатная ступень. Поедим? – и он, все также улыбаясь, обошел ее.

Энди глянула ему вслед и заметила, что в скале сереет небольшая дыра, обозначающая вход в пещеру, куда и отправился Падиф. Значит, и здесь его дом. Но ее почему-то не привлекала пещера и еда, а тянуло заглянуть за край площадки. Она встала и медленно двинулась к пропасти. Голова ее все еще слегка кружилась, потому, дойдя до обрыва, она легла на живот и заглянула вниз.

Мерцая и переливаясь, в нескольких десятках метров внизу было водное зеркало. Небольшое озеро, из которого выбегала река, растянулось вдоль основания горы, и где-то справа в него падали огромные массы водопада, но здесь оно было спокойным и гладким; ни волна, ни рыба, ни ветер, – ничто не тревожило ровную черную гладь. Она могла видеть в отражении блеск своих глаз, а небо казалось в этом зеркале намного ярче, глубже и как будто чуточку ближе, чем есть на самом деле.

Она смотрела вниз, и ей казалось, что стоит коснуться этой темной, густой воды и сразу же упадешь в небеса, перекувырнешься и утонешь в вечности звезд. Едва она подумала об этом, как отчуждение к озеру, неясная тревога поднялись в ней, она отшатнулась от обрыва, бросив взгляд вдаль, на холмы. Кто-то коснулся ее плеча, и она вздрогнула: над ней склонился Падиф. В первое мгновение она ужаснулась его глаз – они мерцали так же, как озеро, но то было лишь мгновение.

Они устроились на ужин точно также, как и в прошлый раз: на скамьях у входа в пещеру. Рядом снова загорелся костер, и девушка вновь почувствовала пережитые страхи: словно снова грядущей ночью к ним в пещеру придут чужие, заберут их, искалечат Падифа и закроют ее в камере.

На горизонте, между холмами, небо покрылось золотистыми полосками, означавшими скорый восход солнца. Начало своему дневному циклу небесное светило брало прямо напротив их убежища, и Энди задумалась о том, почему оно названо Предзакатной ступенью, а не Предрассветной – солнечные лучи светили прямо в дыру в пещере. Холмы покрылись переливчатым оранжевым сиянием, лес наполнился желтым светом, а камни заблестели осевшими за ночь капельками тумана. Ночной сумрак еще слабо темнел в вышине, вместе с серыми тучами уходя

во внутренние слои неба. Девушка повернулась к Падифу. В его глазах сумрак уходил вместе с ночью.

– Падиф, – откликнула она своего приятеля дрожащим голосом, – Падиф, расскажи мне, кто этот человек, что... который заточил меня в тюрьму, а тебя допрашивал в том зале?

Глаза мужчины потемнели, как будто снова наступала ночь, а взгляд опустил вниз.

– Это правитель ревен, правитель нашего народа, – ответил он и окинул омраченным взглядом долину.

– Он командует и тобой?

– Мне не совсем ясен твой вопрос. Мы чтим интересы тех, кто это заслужил и чья воля кажется разумной для нас, – Падиф действительно был слегка озадачен.

– Но если он – правитель, значит, он главный.

– Нет, ты не понимаешь. Мы руководствуемся в выборе правителя только нашим разумом и нашими традициями. Никто из нас, будь то даже сам правитель, не может рассчитывать на выполнение своего приказа, если его сила и ум не превышают силу и ум остальных, и в выборе союзников или возможных действий мы легко можем подчиниться любому, если его предложение разумно. Любой из нас начинает с пустоты, и мы движемся постоянно вперед, совершенствуя себя и постепенно приобретая все больше прав к командованию над другими или преподаванию нашего опыта юным. Но даже славный командир и искусный мастер может потерять свой авторитет, если допустит ошибку, приведшую к горю других. Это значит, что только поистине великие, сильные, мудрые из нас продолжают ими считаться до самого конца жизни, многие же возвращаются к своим истокам, ибо ошибка может означать только одно: таковые не достойны считаться наиболее опытными из нас. Потому, как правило, правитель ревен есть самая сильная личность среди нашего народа, наши командиры есть самые опытные в боях люди, наши учителя есть самые мудрые, искушенные жизнью преподаватели.

– Ты поймешь, – устало добавил он.

– А за что этот правитель мучил тебя, а меня посадили в тюрьму?

Он напрягся и стиснул ладонями край скамьи. Ему явно не хотелось говорить об этом.

– Он допрашивал меня за мое решение. Талены, о которых я говорил тебе, живут на горе Ревен и в Хафисе повсюду, вален же всего один. Однажды один мудрый человек сказал мне, что вален вернется и изменит нашу жизнь, но вот неурядица, на Ревен уже воспитывался вален. Этот мудрый человек не признавал валена, он не верил выбору правителя, но задолго до этого изрек слова о том, что валена должны найти лучшие из ревен, а значит, правители. Он противоречил сам себе, получается, и ревен перестали ему доверять. Я же нашел его, провел с ним много времени и уверовал в его ум, его знания. Я всегда сомневался в истинности валена, который живет сейчас у правителя. Это не тот человек, я был уверен. За это я был изгнан из своей семьи... И вот, я нашел валена. Точнее – вален нашел меня.

– Я же говорила тебе...

Первые лучи солнца уже поднялись из-за горизонта: они были тусклыми и прозрачными.

– Пойдем-ка спать, – вдруг сказал мужчина и поднялся.

Они зашли в пещеру. Было видно, что это убежище подготовили к их приходу: две деревянные кровати были застелены свежей соломой и чистыми мехами, факелы были обильно смазаны маслом. В углу были свалены чашки и тарелки, а еще набитые чем-то мешки. Здесь было тепло и нагрето – остатки костра еще сверкали углями.

Как только она увидела кровать, мозг ее отодвинул все тревожные мысли. Не дожидаясь указаний Падифа, она повалилась на нее с тихим стоном. Мужчина же пошуршал и полязгал чем-то напротив нее и вышел наружу. Может быть, ей показалось, может быть, ослабленный тревогами и нерешенными задачами мозг дал сбой, но когда Падиф приподнял штору в проходе, она увидела на краю каменной площадки еще одну человеческую фигуру, тоненькую и низкую. После сон накрыл ее разум темнотой.

Глава 4

Она проснулась в пещере. Огненные блики танцевали на каменных стенах. Она долго следила за ними, но потом резко встала и вышла наружу.

Ветер, пропитанный пылью жухлой листвы, облепил ее сонное тело холодом, растрепал ее волосы и усеял кожу мурашками. Она прыснула, подергалась и, обхватив себя руками, огляделась.

Каменная площадка серебрилось поздними лучами солнечного диска. Ее острые края, казалось, прорезали ослепительный свет неба, которое едва контрастировало с белесой кромкой холмов. И чем больше она глядела на горизонт, тем сильнее размывалось всякое отличие между низом и верхом мира, и вместо этого словно одна светящаяся стена перекрывала собою все.

Она погрузилась в этот матовый свет. Веки ее вдруг стали несообразно тяжелы... Чужие голоса зашептались у нее за спиной. Или в голове? Так тихо, непринужденно и так непонятно. Это было немного страшно... и приятно. Она отдалась этим ощущениям.

Она лежала и пыталась восстановить дыхание. В ней было совершенно пусто, она не чувствовала своей плоти, пока что-то холодное не коснулось ее щеки. Она медленно оперлась ладонью об поверхность, на которой лежала, привстала и открыла глаза: поверхность сверкала и переливалась острыми кольями. Она вскрикнула и быстро вскочила на ноги – у нее потемнело в глазах и закружилась голова. Когда она снова посмотрела перед собой, то увидела всего лишь иней на камне. Никакой белой стены не было.

Она вздохнула и, подойдя к каменной скамье у входа в пещеру, тяжело опустилась на нее. У нее сильно болела голова, она запустила пальцы в волосы и уткнулась лбом в ладони.

Солнце плавно удлиняло тени, холмы покрывались черным осадком вечера, и вскоре иней замерцал голубоватыми оттенками звезд. Где-то за лесом шумел водопад.

«— Сюда, пойдем! Отсюда такой вид! – подруга весело на нее оглянулась и подошла к самому краю старого заброшенного моста.

Она подошла осторожно к краю площадки. Мост немного качался на зимнем ветру, потому они, цепко хватаясь руками за края деревянных досок, опасливо заглянули вниз.

Морозный ветер обдул ее и сорвал капюшон, у нее перехватило дыхание от высоты. Февральский снег покрывал крышу каждого дома, страйковые платформы тысячами зеленых точек мелькали повсюду; три крыла города окружали огромный синий ЭМГ, и ей казалось, что она смотрит на громадный цветок, по лепесткам которого скользят зеленые букашки.

Она с трудом оторвала взгляд от города: ей казалось, что если она посмотрит вперед, то тут же упадет в темный и грозный зимний океан. Высоко поднимая свои черные воды, он мощными волнами выплескивал их на пятый уровень города.

– Он так величествен, – сказала она. Подруга немного удивленно на нее посмотрела, – Все это было создано человеком, и это наш дом. Здесь хочется кричать, чтобы тебя услышали, здесь все как на ладони. Но одновременно никто не услышит...»

Мягкое шуршание раздалось за ее спиной. Энди вздрогнула и резко обернулась. Высокий человеческий силуэт неожиданно навис над ней. Глаза ее выпучились, она вдохнула резко морозный воздух и закашлялась. Слезы брызнули у нее из глаз, мешая видеть человека, она вскочила и попятилась от него в испуге. А кашель все не унимался, и она уперлась в каменную стену и согнулась пополам.

Чьи-то руки пролезли под ее талию и ноги и, словно перышко на ветру, она взлетела в воздух. Сила и тепло разлились по ее телу, и она укрылась от всех бед на груди у человека, ее несшего. Он зашел в пещеру и мягко положил ее на постель. Кашель прошел, она открыла глаза и увидела перед собой Падифа.

– Где ты был?.

– На горе, – ответил он, слегка улыбнувшись.

– Да? – раздраженно переспросила она и закуталась в одеяло, пытаясь согреться: ее знобило.

– Почему ты не поела – я оставил для тебя еду на углях.

Она посмотрела на него с вызовом.

– Откуда я знала? – вдруг громко заговорила она, – Я проснулась в одиночестве, не понимая, был ли ты и все то, что произошло, а вокруг уже почти зима – вдруг! Ты принес меня сюда и бросил, ничего не объяснив... А я – сиди и ломай себе голову, выдумывай, где реальность, особенно, когда в голове грохочет чей-то голос...

Она замотала головой и зажмурила глаза, удерживая слезы. Лицо ее некрасиво скорчилось.

– Пожалуйста: или оставьте меня и не мучайте больше, или объясните. Мне надоело это молчание...

Падиф не попытался прервать ее. Он следил за ней с ровным и пресным взглядом, словно это его не касалось. Когда она остановилась, он отошел к костру, уселся там и стал разжигать огонь. Когда появилось пламя, он достал из своего мешка мясо и повесил его над огнем. Все это время она лежала недвижимо, потупив от него взгляд и вздрагивая то от холода, то от слез.

– Ты сказала, что тебе надоело... молчание, – тихо заговорил Падиф, и ей пришлось насторожиться, чтобы услышать, – Но ведь ты сама так решила. Ты не хочешь узнавать – ты только жалуешься, – сказал он, – Тебя здесь не держу.

Он замолчал, а она бросила взгляд на выход из пещеры. Но она хмыкнула себе под нос.

– Ты прекрасно знаешь, что я не уйду – ведь меня снова схватят... Наверное... А может, я просто проснусь от этого безумного сна? – последние слова она сказала тихо, только для себя, – Мне так хочется, чтобы это был сон, – уже громко, чтобы он точно услышал, прохрипела она. Но Падиф молчал и переворачивал мясо.

– Ты мне не нужна здесь, если остаешься только потому, что тебе страшно. Но я понимаю причину твоего страха, который мешает тебе думать. Но ты не делаешь ничего, чтобы устранить эту причину... Нравится ли тебе бояться?

Он спросил ее так, как будто спрашивал ребенка. Она пыталась найти в интонациях его голоса насмешку, но не могла. Пузырь гнева сдувался внутри.

– Нет, – вымолвила она, – Я потерялась, потому что не знаю, что со мной. Помоги мне понять, что происходит, – сказала она.

Падиф опустил голову. Она подумала, что он снова взял паузу и раздумывает над ответом, и в груди у нее защемило. Но плечи мужчины задергались, он прикрыл рот рукой и засмеялся! Его смех журчал и переливался, словно весенний ручей, и она не могла не улыбнуться.

– Почему ты смеешься?

– Ты попросила. Спрашивай дальше.

– Как я оказалась здесь? – ошарашенная, но решив не терять возможности, быстро спросила она.

– Не знаю. Ты просто оказалась здесь. Точно так же мы не знаем, откуда в мире оказался Первопроходец.

– Ты говорил, что у вас идет война, так? Как я поняла, война эта началась давным-давно – сколько лет она уже длится? – пропустив мимо ушей намек мужчины, продолжила она.

– Никто точно не может этого сказать. Смотря что считать началом.

Она устало вздохнула.

– Слушай, Падиф... Не мог бы ты рассказать мне про войну полностью, чтобы я не задавала постоянно вопросы? Я хочу... Нет, я прошу тебя сделать это. Мне интересно знать абсо-

лотно все – почему она началась, какие события происходили во время ее, что происходит сейчас. Пожалуйста.

Падиф удивленно и хмуро поднял брови.

– Мне сложно выполнить твою просьбу. Я не могу знать, что именно ты желаешь услышать...

– О, Падиф!.. – воскликнула она в сердцах, – Я прошу тебя, не думай обо мне, говори то, что считаешь нужным, просто разговаривай! Я ведь совсем ничего не знаю об этом месте, как же мне задавать вопросы?

– Это сложно для меня. Мы не привыкли много говорить.

– То есть как вы живете без слов? Вы не разговариваете, что ли? – само допущение этой ситуации казалось ей абсурдным.

– Нет, не так. Мы разговариваем, но не так, как ты привыкла, – с этими словами он протянул к ней оголенную руку и коснулся пальцами ее ладони.

Сразу несколько противоположных друг другу чувств набросились на нее – они были настолько разнообразны, сильны и свободны, что прессовали ее со всех сторон, и она, испугавшись, отдернула руку – равновесие сразу же восстановилось в ее сознании.

– А на самом деле нам не нужно даже касаться друг друга, чтобы понять, – добавил Падиф, отклоняясь от нее.

Она смотрела на него испуганно. Ее вид, похоже, рассмешил хозяина пещеры: он улыбнулся и запрокинул голову назад.

– Это что было вообще? – грубо спросила она. Падиф молчал, – Почему ты не отвечаешь?

– Потому, что если я скажу тебе «это Страта» ты все равно не поймешь это пока. Просто прими, что мы, талены, общаемся без слов, – тоже резко отчеканил Падиф.

– Это типо телепатии?

– Что?

– Телепатии – мысленного общения...

– Хм. Если это можно обозначить словами, то, да, наверное, это самое близкое определение.

Энди, справляясь с вспыхнувшей в ней растерянностью, замотала головой.

– Как без слов я смогу узнать ваш мир? Я никогда не смогу понять людей здесь.

– Когда-нибудь сможешь, – заверил ее собеседник, – Давай я расскажу тебе. История длинная...

Люди с самого начала мира жила в гармонии с основаниями и их физическими телами. Единение с основаниями было сильно – людям не требовалось строить укрепления, защищать их от зверей, ибо звери не трогали человека; людям не нужно было убивать зверей ради мяса, ибо они питались растениями, а животные служили помощниками в осваивании новых пространств. Так могло бы продолжаться вечно, но словно какая-то ошибка, непонимание возникло в людях, и они стали забывать основания. Едва это случилось, Первопроходец исчез. После этого люди быстро нашли себе нового вождя. Сегодня наши историки спрашивают людей того времени – зачем им был вообще нужен вождь, когда нужен учитель, кто направит, а не подчинит своей воле?

Человек по имени Тулон, еще верный основаниям, стал им – он был благоразумен, но и он допустил ошибку. Он стал править не в согласии с остальными, но сам. Против Тулона восстали: против его власти, а заодно и против оснований. Бунтовщики создали свой лагерь на южной окраине тогдашнего мира. Тулон вместе с группой таленов выступил против них. Так произошло первое сражение, первая кровь пролилась насильно. Тулон был убит, бунтовщики пленены помощником Тулона, Контом, и после насильно сосланы в Бринчатые скалы, где еще властвовала зима. Конт и стал новым вождем.

Конт, несмотря на то, что был таленом, не стремился вернуть людям единение с основаниями. Наоборот, он советовал людям, как обходиться без оснований. И он, как и Тулон, не считался с мнениями остальных и правил один. Он стал сслать в скалы уже не противников Страты, но таленов, и их почти не осталось.

Территории людей расширялись – граница приближалась к Цараненым горам, а изгнанных в Бринчатые скалы было все больше. Конт жил долго по сравнению с другими людьми, настолько, что под конец его жизни люди уже не помнили памятью предков, как давно Тулон был убит. За это время Конт, то ли опасаясь за себя – ибо он чувствовал, что не угождает всем, то ли предвидя нападение, но создал регулярное войско. Когда до освоения Цараненых гор было все равно, что мне сейчас дотянуться до тебя, Конт умер. На смену ему пришел его сын – Берейтор. И почти что через месяц с Бринчатых скал напали люди. Это было удивительно – считалось, что все отсылаемые на скалы погибают. Началась война между собратьями.

С тех пор повесть носит непостоянный характер, ибо повествователи враждебных сторон описывают дело со своей стороны. Оба противника были одинаково сильны, ибо они были братья – война не могла закончиться. Примерно через полгода разоряющих сражений, когда оба народа были истощены и война, казалось, закончилась бы ничем, новая, третья армия напала на них. Они пришли с запада, с Цараненых гор, ужасные и изуродованные – ведь в горах была зима! До сих пор никто не в состоянии объяснить, кто они и откуда, но, предположительно, они были первыми изгнанниками.

Тогда и появился вален – в сражении трех армий у горы Ревен. Он появился с войском из льда и снега. Он помнил об основаниях, но не только помнил, но и понимал их! Армия из Цараненных гор был побеждена, но война не окончена.

После Ледяной битвы вален проник сначала в ряды скалистых жителей, стал взращивать там таленов. Жителей равнин и скал было мало, росло новое поколение, незараженное борьбой и неприязнью друг к другу. Однако Берейтор не хотел объединения перед лицом общего врага. Многие уже называли это пустым тщеславием, которое могло погубить всех. Потому многие присоединились к валену, и на горе Ревен образовалось независимое племя из людей, которые под опекой валена стремились вернуть потерянную гармонию.

Вален имел какое-то влияние на руководителя скал, Филипа. Но Берейтор, лидер жителей леса, настаивал на продолжении военных действий между таленами – и тиранией подчинял своей воле подопечных. Филип и его люди, видя и понимая непреклонность Берейтора, не настаивали на мире и продолжали воевать, воодушевленные уже чувством защиты оснований.

Но развязка этого бесполезного противостояния произошла сама собой. Жители равнин и скал сошлись в очередном сражении. Вален вместе с таленами вмешались в битву, пытаясь остановить кровопролитие. В разгаре битвы разъяренные противники увидели громадную армию яриков. Четыре армии смешались: вален сражался против яриков, жители равнин и скал – против яриков и против друг друга. Ярики теснили их. В этом ужасе жители скал и равнин начали группами атаковать общего врага. Вместе с валеном и его таленами, – общими усилиями они разгромили яриков, и те убрались прочь.

Жители скал и равнин объединились под руководством Филипа в племя леканов. Берейтор, как выяснилось позже, был убит. Вален был первое время рядом с леканами, рядом с нами, но исчез так же, как и Первопроходец.

С тех пор война идет между леканами и яриками, есть и мы, ревенцы, выступающие за мир, а если битва – то за леканов – иногда мы помогаем им, учим их таленов, но и на наши границы нападают ярики, и мы воинствующий народ.

Леканами сейчас руководит Леран – это самый мудрый и одновременно сильный человек, которого я когда-либо знал, но его народ истощен. Да и ревенцы не смогут сдерживать яриков

в одиночку, все это знают, – Падиф перевел дыхание и посмотрел на нее, – Вален вернулся вовремя.

Падиф замолчал и испытующе уставился на нее. Она знала, чего он ждет, но не хотела говорить: она сама сомневалась в том, что действительно думает. Во всяком случае, для нее удобнее было уклониться от возлагаемых на нее Падифом обязательств настолько долго, насколько сможет, или до тех пор, пока время и события не подтолкнут ее к прямой ответственности.

– В твоём рассказе много пробелов, – промямлила не слишком уверенно она.

– Да, ты права. Задавай вопросы.

– Ты сказал, что Берейтор был убит. Кем?

– Непонятно. Нет источника, надежного и достоверного, что мог бы сообщить об этом. Берейтора нашли на поле сражения посреди его воинов.

– Берейтор убит неизвестным. Это могли быть ярики, так? Но ведь могли быть и свои? – она не знала, что заставило ее сказать так.

– Никто не знает, но не думаю, что Берейтор был заколот своими же воинами – как ни опустились тогда люди, но честь у них была.

– Возможно... Но очень странно выглядит, что равнинники и скальники так вот и объединились – просто, из-за того, что равнинники решили не слушаться своего командира и помогать скальникам.

– Ты забываешь, что все они находились под угрозой истребления. Да и Вален, как мог, расстраивал их вражду.

– Нелогично в этом то, что именно скальники первые пошли на мир – ведь *они* были сосланы и унижены.

– Да, все так. Но я могу сказать, что именно «скальники», – он передразнил ее, – были не только униженной стороной – они были благоразумнее, их сослали, потому что они были верны основаниям.

– Да, но ведь именно скальники напали, а не равнинники, именно они должны были бороться до самого конца, а они так просто, по твоим словам, пошли на объединение!

– Я говорил, что многое изменилось в сознании людей...

– Да, да, – нетерпеливо перебила девушка, – Новые поколения и всякое такое, но я не верю, чтобы человек мог так быстро все забыть – ведь как-никак, но их отцы, матери были забиты и отосланы на смерть!

– Тогда люди начали вспоминать принципы таленов, а мы всегда внемлем лишь тому голосу, который указывает на истинное решение, независимо от того, чьему разуму этот голос подчиняется и что было в прошлом, – Падиф был неумолим, но она начинала думать, что он говорит это лишь бы не дать убедить себя – она не верила, что он действительно так думает.

Она не могла собраться с мыслями. Ей казалось, что она упускала что-то важное в этом разговоре, хотя не понимала, почему так волнуется из-за этого.

– Постой, ты постоянно говоришь о каких-то основаниях. Я для себя как будто решила, что какая-то сила, которая помогает вам... ну, вроде деревья заставлять ходить. Да?

– Пока такого объяснения достаточно.

Казалось, он говорил ей все, что она хотела, он не лгал ей – она умела различать вранье, но словно какая-то тайна обуревала его изнутри и снаружи. С виду это был простой человек в обычной одежде, но он говорил, как король, а его ятаган был сработан, как для генерала. Он был слишком терпелив и опытен для того задора, который вспыхивал в его действиях и словах. Она не могла разгадать его.

– Падиф, ведь вчера ты устроил побег – это нормально? Меня ищут? – тревога охватила ее, но она осадила себя – ей не за что волноваться, она не преступница.

– А я все думал, когда ты спросишь – видимо, не так сильно ты переживаешь за свою сохранность! – весело сказал Падиф, – Я как раз целый день разведывал, какие последствия имела наша выходка. Почти все заинтересованные в этом люди считают, что ты выбралась без посторонней помощи, но не приближенные собственно того, кто заточил тебя в темницу, да и он сам. Они, из того, что было в зале у правителя, поняли, что ты особенный пленник, не знаешь таленов, говоришь на забытом языке, ведешь себя иначе, а, следовательно, даже не подумаешь сбежать. Ни братья наши стражники тюрьмы, ни кто-либо другой не подозревается в предательстве, чему я откровенно радуюсь. Более того, я думаю, правитель знает, что ты со мной. Но он не знает, где именно. Это место сокрыто.

Он замолчал. Она тоже не сразу заговорила.

– Если я останусь с тобой, чего ты ждешь от меня?

– Я хочу сотворить тебе мир без сомнений и доказательств. От тебя я жду лишь принятия такого мира: мира, каков он есть.

– Падиф, скажу откровенно. Своими словами ты всего лишь просишь меня жить в этом мире. И верно угадываешь мою растерянность. Что настоящее, что призрачное? Реально ли то, что вокруг, или это разум обманывает мысли... – она потрясла головой, – Выбрать без выбора, поверить без веры... Меня всегда это смешило: вера ведь вроде должна быть от сердца, но человек всегда просто выбирает, какая вера ему по душе, значит, это не вера? Вот ты просишь меня поверить и выбрать то, что я не знаю. А у меня ведь нет альтернатив. Хм... Конечно, я могу просто выйти из этой пещеры и замерзнуть где-нибудь в лесу... или нет? Незнание обезоруживает. И как тут выбрать?

– Я уж говорил, что готов обучать тебя, – раздельно и очень глубоким голосом прошептал юноша, и тишина задрожала, – Ты можешь захотеть узнать и получить альтернативы – и это тоже будет выбор.

Девушке нравился ход мыслей Падифа: он был понятен ей.

– А если я не захочу остаться с тобой, но и уходить из нагретого гнездышка здесь не захочу – выкинешь меня в озеро под нами?

– Ну ты ведь его боишься, потому, думаю, придется, – резко разбивая задумчивость в воздухе, с нескрываемой иронией буркнул Падиф, а она улыбнулась.

Впервые за то время, пока она здесь, она вдруг перестала бояться. Она не знала, что именно окрыляло ее, но чувствовала, что в глубине уже приняла решение.

– Послушай Падиф... Чтобы окончательно решиться, мне нужно знать некоторые вещи...

– Ты сказал, что правитель знает, кто мне помог. Значит и ты в опасности?

– Если ты не заметила, то он изувечил меня и взял в плен так же, как и тебя.

– В этом то и дело, Падиф. Как же ты выбрался из плена и разведывал последствия побега? Как же ты спас меня?

Из ее головы, как из клетки, будто выпорхнула птица на волю: она поняла, что хотела задать этот вопрос с самого начала, и он сковывал ее сознание. Падиф долго не отвечал ей, и она понимала, что он обдумывает свой ответ, чтобы не сказать лишнего.

– Я выбрался из пленения по тем же причинам, что позволили мне разузнать последствия нашего вчерашнего дела, а тебя – освободить, – наконец с суровостью в голосе произнес он, – Дело в том, что мне прекрасно и дословно известно устройство всех наших темниц, я знаю, как проходит охрана, почему разные по статусу пленники содержатся в разных камерах, и, что немало способствует всему предприятию побега, я все-таки обладаю большими способностями, чем многие из таленов!

– Ты так говоришь, словно сидел во всех тюрьмах, что у вас есть! – пошутила она и с ужасом обнаружила, что сама не считает эти слова во всех отношениях шуткой.

– Ну, сидел, может быть, и не во всех, но бывать доводилось в каждой.

– Ага, – она приняла к сведению этот факт как человек, которого клоун в цирке обещает убить ножом, что уже стремится к груди, – Значит, ты сам охранял тюрьмы?

– Да, это так.

– Значит, ты работаешь на правителя?

– Работаю? – неподдельное, невинное непонимание скользнуло в его голосе, – Не понимаю, что это значит. Я защитник горы Ревен и ее народа, потому охранять тех, кто угрожает нашей безопасности – мой долг.

– Да, но ведь правитель заведует тюрьмами?

– Да, он отсылает приказы и пожелания к режиму и участи пленных.

– Значит, ты подчиняешься ему, так?

– Все мы живем под рукой правителя.

Она закрыла глаза. Гнев разлился по ее телу, затрепетал пальцы на ее кистях.

– Но ты ослушался. Почему ты ослушался? Это как-то выгодно тебе и правителю?

Падиф вскочил на ноги, а она испуганно отшатнулась. Он поднял сжатые кулаки перед собой, а лицо его перекошилось в ярости.

– Ты не слушаешь! – прошептал он с трудом и дрожью в голосе, и с каждым звуком он говорил все громче, – Я освободил тебя, потому что верю в тебя! Что бы сделали с тобой? – он сердито, почти свирепо посмотрел в самые ее глаза, – Талены не устают защищать свой народ, а узнать, кто ты, представлялось нам бы первой важностью обороны. Мы ведь не просто посчитали бы тебя за ярика – ты слишком странная и отличаешься ото всех, мы бы посчитали тебя за нового, еще неведомого нам врага! Я служу правителю, почитаю и уважаю его так же, как и гору Ревен с ее жителями, но я выбираю, следовать его указаниям или нет!

Неопределенность ужасна – тебе самой не противно то вверяться мне полностью, то с подозрением подумывать о моих действиях? Сегодня, – ему, похоже, не хватило воздуха, чтобы договорить, – Сегодня, я прошу тебя, определись, ибо далее еще много времени ты не сможешь понять меня, потому только вера в мою преданность будет удерживать твое доверие! – он сорвал со стены свой ятаган – Энди невольно вздрогнула, но он всего лишь закрепил его на поясе и быстрыми шагами вышел из пещеры.

Неожиданно давящее, крошечное одиночество навалилось на нее, холодом, проникая в грудь, каким-то непереносимым весом тесня ее как снаружи, так и изнутри. Она быстро последовала за Падифом наружу.

Темный океан неба благоухал букетами звездных цветов, разбухавших в лиловых облаках. Сонным ропотом ложился шум водопада на холмы, по которым матово разливался иней. Лес нависал, угрюмый и непроницаемый, а камень лоснился под мягким светом луны. Края утеса неожиданно не вписывались в этот пейзаж, как ножом, свирепо разрезая это девственно-чистое пространство.

Прямо у самого обрыва сидел Падиф. Он запрокинул голову вверх, словно пытаясь рассмотреть созвездия. Она в нерешительности остановилась за его спиной. Голова Падифа медленно опустилась, он расправил плечи, не производя ни одного лишнего движения, встал.

– Говори, – сказал он.

– Я хочу доверять тебе, я пытаюсь это сделать, но не всегда получается. Просто я... В растерянности – я не знаю, как я сюда попала, ты ничего не знаешь про мой мир, а я – про твой, но, похоже, это мне придется учиться. Или умереть?... – она сказала последнее скорее для себя.

– Нет, – твердо оборвал ее Падиф, и толстая морщинка стала углубляться у него на переносице, – Нет, нет, – повторил он, хмурясь все сильнее и сильнее, – Это не выбор, это... Нарушает гармонию вещей, – он резко отвернулся от нее и беспокойными глазами посмотрел вдаль, – Как и вся эта война.

– Падиф! – позвала она его ласково, потому что вдруг ей стало жаль его больше, чем себя, и она схватила его за неприкрытое запястье.

Океан черной волной набросился на ее сознание, а вокруг засверкали молнии – его разум захлестнул ее сильно. Глаза Падифа вспыхнули – на миг он показался ей испуганным, и он отдернул руку. Ладонь девушки повисла в воздухе, мужчина тяжело выдохнул, и взгляд его снова стал непроницаемым. Он поднял голову и посмотрел на нее снизу вверх.

– Хорошо, – сказал он спокойно, и она не могла понять, что он имеет в виду, – А теперь – спать! – и Падиф первым направился к пещере...

Она уснула и одновременно следила за теньями, играющими на потолке со сполохами света от горящих факелов. Внутри у нее было все как-то твердо, в голове давили одни и те же мысли о доме. Но теперь по улицам Кейп-Тира ходили на привычные прохожие, а облаченные в железо и кожаные куртки воины с огромными глазами, повсюду росли деревья, а океан словно перевернулся – он был темный, как если бы свет совсем не попадал в него... А она не могла найти своих родных, она даже не могла найти свою улицу.

Она только вертелась в сумерках. Ей было жарко и холодно, непрекращающаяся боль пульсировала сквозь череп. Ей было сложно дышать – что-то застряло у нее в горле. Пот скапывался со лба, озноб дергал ее мышцы, которые едва держались на костях. Вокруг двигались какие-то тени, становясь то ближе, то дальше. Этот сон длился и длился, не прекращаясь, пугая однообразием.

Щелк... Треск... Пух... Пух... Треск...

Она повернула голову, ощутив в себе удивительно свежее, очищенное от грязи, сознание и, сладко потянувшись, открыла глаза. В нескольких метрах от нее трещал и попыхивал костер, рядом сидел человек. Несколько секунд она пристально наблюдала за ним, не находя в себе сил подумать, кто это.

Человек поднес руку к пламени и старательно, не спеша, помешал что-то в котелке, который висел над костром. Она вяло проследила за его движениями и словно что-то стукнуло в нее – она ощутила приступ дикого голода, ноздри уловили запах горячей пищи, что готовилась на костре, глаза расширились, а в голове завелись вопросы.

Она дернулась вверх всем своим невесомым, как ей казалось, телом, но с болезненным и удивленным стоном повалилась обратно. В голове у нее зашумело, а суставы неприятно скрипнули. Близко раздался быстрый шорох ног, – и под ее голову пролезла широкая, теплая ладонь, приподняв ее. Энди не могла сопротивляться – череп казался ей неподъемным камнем, и голова ее безжизненно повисла на сильных руках Падифа.

Другая ладонь обхватила ее за спину и с силой потянула вверх.

Ей показалось, что кости ее звенят, как ржавые цепи – она крикнула и кое-как села на кровати. Лицо Падифа было совсем рядом, он стоял, наклонившись и поддерживая ее за плечи. Она ухватилась за его шею и встала на ноги – торс мужчины разогнулся вместе с ней. Она повисла на нем, но почувствовала, что Падиф отстраняется.

– Нет, ты должна сама, – услышала она его голос.

Он поддерживал ее, а она шла к костру. Ноги были набиты чем-то, а спина болела. Наконец, она плюхнулась на скамью перед огнем, взяла из рук Падифа миску с едой. Он сел напротив, отодвинулся от костра, и лицо его ушло в тень, лишь два блестящих круга глаз время от времени проблескивали в этой темноте своим черно-белым сиянием. Ей стало неловко отчего-то.

– Я болела?

– Да.

– Сколько?

– Около семи дней...

– Семь дней! А для меня это был как один сон...

– Да, ты сильно ослабла.

– Придется поработать над этим.

- А то: надо хорошенько подправить твои мышцы, да в мыслях покопаться...
- Что?!
- Я имею в виду, нужно научить тебя жить здесь.

Глава 5

Землю накрыла холодным покрывалом зима. Солнце светило низко и прямо, а небо раскалывалось от своей голубой чистоты. Рокот водопада с правой стороны едва слышался, звук был такой, словно вода спадала на землю громадными плевками. Лес оделся пушистыми белыми шапками, которые сверкали зелеными, еще не успевшими упасть листьями. Гора разгладилась и замерцала синеватыми красками со всех сторон.

Падиф стоял, не шевелясь, заглядывая за край каменной площадки. Его черные одежды резко контрастировали с безупречной белизной уснувшего мира, но свет, пускай и темный, исходил и от него.

Она подошла вплотную к Падифу и, следуя его взгляду, не думая, заглянула вниз. Ровная, затененная невидимыми полотнами, в ее сознание врезалась глубокая гладь воды. Девушка отшатнулась, дрожь и холод пробежали по ее телу. Ей показалось, что кто-то толкнул самое ее сознание. Еще раз заглянуть в озеро она не отважилась.

– Как ты не боишься смотреть в это озеро? – неуверенно спросила она.

– Он не вызывает страха в разуме, у которого нет ограничений, – с этими холодными словами черные глаза его посмотрели на нее.

Словно это не он смотрел: глаза блестели и были больше, чем он сам, в них было больше жизни, чем могло вместить его тело. Где-то внутри его разума укладывались силы, которых она никогда бы не одолела. Эти силы давили на нее, и она тонула в их черном блеске... Пока Падиф вдруг не открыл рот и не засмеялся – очарование его взгляда испарилось, и он будто помолодел, хотя не был стар.

– Сколько тебе лет? – неожиданно и задумчиво спросила девушка.

Он сказал. Он не был много старше ее в физических годах.

Легкими шагами он подошел к другому краю утеса. Энди не шелохнулась – он остановился и обернулся.

– Ты что стоишь? Пойдем!

Падиф, повернувшись, ступил прямо в обрыв – глаза девушки округлились от ужаса, а он уже занес над бездной вторую ногу и, спустя мгновение, весь скрылся. Она с приглушенным криком бросилась к пропасти: в скале была выдолблена крутая лестница, а Падиф, задирая голову кверху в ожидании, стоял внизу. Лестница спускалась к самому берегу черного озера.

– Эй, как же мне спуститься? – возмущенно крикнула она ему вдогонку.

Но Падиф только махнул рукой.

Она распласталась на плато, запрокинула ногу за край и нашарила ступеньку. Она попыталась слезть с лестницы аккуратно, но в результате просто соскользнула вниз, ударившись о мягкий снег.

Падиф стоял у самой воды озера, широко расставив ноги, скрестив руки на груди. Она подошла к нему, и вместе они пошли вдоль берега. Она старалась не смотреть на черную воду, на которой не было ни одной пластины льда, словно морозный воздух не касался этой поверхности.

Падиф шел легко, совсем не глядя под ноги, и крупинцы снега вслед за ним поднимались мягко и медленно. Нельзя было сказать, на что именно глядел он в тот или иной момент, казалось, что он смотрит на нее и одновременно на возвышавшиеся впереди холмы, на лес, на грозную гладь воды озера...

Все, что окружало двух неспешно шагающих людей, было будто таким же, как в ее прошлом мире: те же камни, то же солнце, тот же воздух... Только намного ярче. Она остановилась и вопросительно посмотрела на своего спутника.

– Что это? – спросила она.

– Что? – Падиф живо поддался к ней вперед, – Что ты почувствовала?

– Я не знаю... Я не заметила, как так случилось... Я словно потеряла контроль над собою... – она мучительно прикрыла глаза, стараясь подобрать нужные слова, – Я шла, рассматривала все вокруг, и то ли задумалась, то ли что-то так подействовало на меня, но я... растеклась, что ли, вдоль всего вокруг. Смешно звучит.

Он медленно отвел взгляд.

– Я не хочу, да и не могу объяснять тебе все в этом мире словами, потому что нет слов, которые помогут тебе понять Инскримен. Не сердись, но будь терпеливой, – проговорил он, – Только что я увидел, как твой разум... соединился с разумом Инскримен, но это было настолько неосознанно, что я сомневаюсь, сама ли ты достигла этого... – он прервался и, вдруг улыбнувшись, покачал головой, – Мне очень сложно объяснять то, что каждый тален должен понять сам, без постороннего вмешательства... – он замолчал, а она опустила глаза.

– Мне кажется часто, что меня нет здесь, что есть лишь что-то бесформенное, растекающееся в воздухе, воде, земле, – она импульсивно схватилась за голову, – И все здесь столь ново для меня! Или...

Она примолкла. Ветер затрещал по ее ушным перепонкам, она подняла воротник. Ботинки Падифа хрустели в инее, он смотрел далеко вперед, но она слышала его внимание.

– Но одновременно я видела все это много раз. Да, давно я представляла себе, что есть где-то другой мир, где я смогу найти свой дом. Но со временем это прошло, но было так тесно! И все спряталось, я думала, даже ушло навсегда, и вот я здесь. Но я не чувствую себя живой... Я смотрю на свои руки и все жду, когда же они расплывутся перед взглядом.

Падиф ничего не говорил.

– Скажи мне, как называется эта река, это озеро?

– Именно эта река носит название... – тут он прошелестал что-то на своем журчащем языке, – Или Стремительная, как тебе понятнее. А озеро... хм... Оно носило много названий... Первое из них было – Мертвая заводь, – и он повторил это грустным и тоскливым, как шелест осеннего дождя, голосом, – Озеро появилось в то самое Ледяное сражение, когда вален с ледяной армией спустился с Ревен. После поражения яриков на месте битвы образовалась глубочайшая впадина – результат противостояния лидеров двух войск – яриков и Ледяной армии. Снега по краям этой впадины растаяли, и вскоре после битвы в яму хлынула вода, и в нее вошла река, другая, из леса – ее зовут Пронзительная. Много людей было убито на месте этого побоища, и потому заводь изначально назвалась Мертвой. Вскоре зима начала отступать, и новая река вышла из озера – так возникла Стремительная, ибо там, куда пробивалось ее русло, быстро таяли снега, селились животные... – неожиданно он затормозил так, что она чуть не налетела на него.

– Посмотри, какая красота вокруг! – воскликнул он, когда она заглянула ему в лицо, – Только вдохни воздух, только вдохни! Но так, чтобы полной грудью...

Она в недоумении оглядела просторы холмов, которые уходили до самого горизонта: они были как волнистый океан из светящейся желтоватой пены.

– Ты только посмотри, – сказал он и повел рукой перед собой, – Ты почувствуешь это, если вдохнешь воздух вокруг – ведь он тоже дышит.

Его движения словно открывали занавес: солнечные лучи ложились на землю тише, а холмы становились выше.

– Чем дышит? – она не заметила, как низок стал ее голос. Разум ее будто нагревался.

– Он дышит тобою, мною, дышит хрустом снега под нашими ногами, сияньем солнца над нашими головами, сыростью земли этих холмов, спокойствием реки подо льдом... – она не могла понять, то ли она слышала шум течения реки, то ли так сладостно, чисто звучал голос приятеля.

– Реки? Подо льдом?

– Да! И не только подо льдом, но и в земле, в камне.

– Как река может быть в камне? – она слышала, как по-детски наивно звучит ее голос, но не могла подумать о чем-либо другом.

– Горы тоже плачут, хоть камни помнят гораздо больше, чем любая другая вещь в этом месте.

– А память высушивает слезы?

– Память делает жестче, ибо все бывает в первый раз и никогда не бывает больше...

– Никогда-никогда?

– Как сказать тебе... Солнце и Луна повторяют свою жизнь множество и множество раз, зима сменяет осень каждый год, но ведь раньше была вечная зима, и не было повторения в мире, одна лишь пустота, тьма, холод и смерть... Хотя, тогда и умирать то было некому и нечему... Потому как определить, что повторяется, а что бывает единожды? Ведь никому не даровано жить вечно... Память иссушает ее владельца, ибо не позволяет совершать одну и ту же ошибку дважды или радоваться чему-то так же сильно, как то было в первый раз.

Она закрыла глаза. Холодный ветер шевелил пушок на ее щеках. Мороз щипал ее кожу. Она медленно вдохнула воздух, ощутив, как каждая частичка ее тела наполнилась мощью мира вокруг, и погрузилась во тьму...

Только теперь это не был привычный черный мрак. Она услышала, как где-то очень близко шумят деревья, их стволы гнуться, но не от ветра, а листья шепчутся между собою, а далекие воды клокочут где-то внутри горы, и каменное серое тепло бурлит где-то в недрах земли... Она почувствовала, как нечто чужое заполняет ее разум. Она захотела остановить это, но не смогла. Боль первой, слабой волной нахлынула на ее сознание.

Сокрушительный треск раздался у нее за спиной, горячий воздух вдруг резко выскользнул из нее. Она распахнула глаза и стала судорожно хватать ртом пространство. Падиф стоял совсем близко, глаза тревожно, внимательно смотрели на нее.

– Что... Что это было? – задыхаясь, выговорила она.

– А что ты ощутила?

Она рассказала.

– Потом зазвучал этот громовой голос... Он приближался ко мне, вытесняя мои мысли, мою волю, проникая в самые уголки моей души, словно меня во мне и не было! – ужас охватил ее, а по коже прошел озноб, – И эта боль, что он доставляет мне – о-о-о! – она жалостливо уставилась на Падифа, – Пожалуйста, скажи, скажи, что это?

– Я не могу ничего сказать тебе точно. Посмотри, что успела ты сделать за эти считанные секунды! – воскликнул он и махнул рукой в сторону реки.

Из ровной поверхности льда торчала огромная, словно вырванная из этого ледяного пласта, глыба, и синие круги от воды облепили ее основание.

– Что это? – твердо и резко спросила она.

– Это глыба льда, пробившая брешь в сплошном пласту, покрывающем реку!

– Ты знаешь, о чем я говорю! – вскрикнула она, и словно волна воздуха ударила по лицу Падифа – оно будто расплющилось.

– А ты знаешь, что произошло! – также громко, как и она, закричал Падиф, и его черный силуэт навис над ней.

Дышать было все сложнее, голова закружилась, снег стал темнеть, а она – падать. Падиф бросился к ней, схватил, и величественный, словно волна цунами, голос раздался прямо над ее ухом. Она услышала, как волна опрокинулась на ее тело, прижала к самой земле, смяла оковы в ее голове – словно две стихии сошлись в решительной схватке, ударились друг об друга – и – все.

Столкновение произошло в ней, как взрыв, и осталось всего лишь дымным облаком – в глазах ее стоял туман, а мысли казались влажными и вязкими, но свободными. Она попыталась встать, Падиф помог ей.

– Что это? – выговорила она тот же вопрос, тяжело ворочая языком.

– Я думаю, это отложенная энергия. Мир попросил свою плату за то, что поднял лед из реки по твоей мысли.

– И так бывает?

– Нет, обычно не бывает, я еще не видел такого...

– Это значит что-то?

– Все что-то значит...

– А это что значит?

– Я думаю, что для этого мира было важно, чтобы ты поверила, вот он и исполнил твои мысли... как это говорится на твоём языке... в долг? А потом, когда ты была в сознании, взял свое.

Она замотала головой в стороны. Половина из того, что говорил Падиф, казалось ей долгом к разуму, и скоро разум должен был потребовать что-то взамен – сумасшествие, может быть? Но она уже шла по этой дороге, и хотела расплатиться с разумом иначе. Поэтому она пробовала понять.

– Ты сама должна все понять. Ты одна проходила через такое, – неожиданно дружески сказал Падиф и сжал ее плечи, – Пойдем, в пещеру.

Когда они прошли полпути вдоль реки, прямо за Ревен зажглась яркая звезда, а холодный ветер вытащил из неба темно-лиловые тучи. Постепенно откуда-то выкатилась желтая луна. Ее мерцающий тупым светом диск засеребрил снег, и Энди чудилось, что она ступает по грядкам драгоценных камней.

– Ты сказал, что я не одна проходила через это... Но никто не слышал этого голоса... Что ты имел в виду? – неожиданно она порвала морозный треск в воздухе своим тихим голосом.

Она услышала какой-то скрип – это кряхтел смех Падифа. Он смеялся не с задором, как раньше, но глубоко и низко, как старик.

– Ты так напоминаешь мне меня самого! Когда-то я тоже не мог верить, я жил, полный знаний своего народа, но потом другой человек показал мне другое мнение. Я познавал многое, что раньше было скрыто, и удивлялся, не понимал. И я всегда думал, что не может быть все так, как говорит этот человек. Сейчас, глядя на тебя, я понимаю, что это было. Это было нежелание верить в то, что все заранее предопределенно. Нежелание верить в то, что наши действия заранее обрастают потаенным, уже известным миру смыслом, даже когда результат их еще не определен.

– И что же? – еле слышно сказала она, – Этот человек оказался прав?

– Я не могу ответить на этот вопрос – ведь я еще не знаю. Но он так и не смог убедить меня, хотя пока его слова подтверждаются происходящим.

– Ты не веришь в предопределенность?

Он не сразу ответил. Он смотрел перед собой, и она видела, как тяжело он подбирает слова.

– Это неточное понятие, о котором проще думать, чем говорить. Когда дело сделано, кажется, что так и должно было быть, что все шло к этому. Но с самого начала лишь действия приводят к результату. Почему ты вытащила тот кусок льда из воды? Ты не знаешь, но ты это сделала. И не потому, что кто-то руководил твоими мыслями. Это твоя жизнь вытащила наружу именно этот лед... Я не могу сказать это яснее.

– Яснее и не нужно...

Ей казалось, что она понимает, что это – слышать чувствами. Внутри она понимала, о чем говорит Падиф, но не могла описать. Но его рассуждения были созвучны ее эмоциям.

– Паdif. Я не могу верить твоим словам о моем назначении так же, как ты не мог верить своему наставнику. Мои знания столь малы по сравнению с миром, что нас окружает, по сравнению со знаниями, которыми обладаешь ты. И я хочу... – она запнулась. Ни сердце, ни разум не могли продолжить ее речи, и она не знала, почему.

– Что ты чувствуешь сейчас? – спросил Паdif и прямо, пристально посмотрел на нее.

– Пустоту, – только и выговорила она, пройдя вместе с его взглядом внутрь своей души, – Пустоту, которую нужно чем-нибудь заполнить.

– Чем же?

– Я не знаю. Действием, знанием?..

Она увидела, как счастливая улыбка озарила его лицо. Он хлопнул в перчатки, и воздух вокруг них потрескался.

– Вот ты зря мне это сказала, Энди-квален!

– Почему? И что за квален?

– Знания. Знания! – воскликнул он и, подпрыгнув, побежал вперед, пружиня на снегу. Девушка с улыбкой погналась за ним.

– Завтра начнем учиться истории и прочим знаниям... А квален значит – близнец.

И они разрезали тонкий воздух, ворвавшись под тень большой горы.

Глава 6

Как и вчера, мир ослеплял. По всей долине клочками стелился белый, но прозрачный туман, сквозь который просачивался матовый блеск словно бы взрыхленного снега. Крохотное солнце еще только-только вывалилось из своего ночного убежища, но светило ярко и косо. Воздух вокруг словно застыл, и ничего не нарушало спокойствия кроме мерного рокота водопада за остолбеневшим лесом. Она с наслаждением потянула носом и на миг прикрыла глаза, но раздавшийся рядом с ней вопль быстро и жестоко возвратил ее в реальность.

– Ага-а-а! – как будто бы он разгадал самую ужасную ее тайну, закричал Падиф и материализовался прямо перед ней, да так, что она чуть не упала от испуга, – Ну вот и ты, наконец-то!

Он махнул куда-то в сторону долины, его азартные глаза блеснули ей напоследок, и все его тело скрылось за краем каменной площадки.

Она с открытым ртом смотрела на пространство, где только что была его курчавая голова – воздух там словно до сих пор закручивался спиралями...

«– Ну же, давай, ты не пожалеешь! – Котя схватил ее за руку и легонько потряс.

– Константин! – родительским тоном воззвала она, – Сейчас уже почти одиннадцать часов вечера! Зачем лезть туда так поздно?

– Нет, не поздно, самое время! Такого ты никогда больше не увидишь! – его красивые глаза загорелись азартом, а она с трудом заставила себя отвести взгляд от этого восхитительного блеска.

Она задумалась. Собственно, почему нет? А почему да?

– Ну ладно! Уговорил! – и прыгнула со стула, поспешными шагами направившись обуваться.

Летний вечер был полон неожиданного шума и непривычных запахов... Зеленый свет из-под их кроссовок вспыхивал ровным, мгновенным светом. Розовый закат сливался с синими волнами и переходил в глубины океана. Она не замечала людей рядом с собою, автомобили как будто приостановили свой сумасшедший ход. Они пришли на восточную сторону четвертого уровня, прямо над портом Кейп-Тира. Она удивленно посмотрела на своего друга.

– И что? Ты ведь сказал, что такое бывает раз в несколько лет?..

– Тссс! – шикнул на нее Котя, – Скоро сама все увидишь! Садись! – и он сам подал ей пример, усевшись по-турецки и прислонившись к прозрачным перилам. Она сползла к нему, подогнув коленки под себя.

Они сидели так довольно долго. Котя молчал. Она уже начинала испытывать разочарование. Уже почти двенадцать!

– Слушай, мне надоело! Сколько еще можно тут сидеть? – громко осведомилась она.

– Тихо! – взбеленился Котья.

– С чего это ты еще шикаешь на меня? – она привстала от возмущения.

– Ну потерпи еще чуточку! Скоро, скоро все начнется! – Котя тоже вскочил и ухватил ее за руку, притянув к себе, – Смотри, смотри, еще минута! – и он указал вниз, к парому.

Она возвела глаза к небу, но все-таки уселась обратно и взглянула туда, куда он указывал. Неожиданно спокойные воды океана затрепыхались, словно что-то отталкивало их от причала. Спокойные и темные изваяния кораблей, которых сегодня было почему-то очень и очень много, закачались в такт подводному ритму. Где-то прямо под ней с Котей раздался мелодичный, но приглушенный удар, а потом еще один, и еще, и так двенадцать раз.

– Полночь, – прошептал Котя, и после этого все стихло.

Когда волны прекратили двигаться, глубины воды заискрились. Заискрились множеством маленьких светлячков, которые, казалось, танцуют в воде, сталкиваясь и разлетаясь. Тут раздался громкий пароходный гудок, да так, что она подпрыгнула от неожиданности

и испуганно посмотрела вперед, на стоящие суда. Но это уже не были мрачные и безмолвные металлические сооружения. Один за другим, волной от причала, они загорались тысячами огней повсюду: на трубах, на палубах, везде! А когда плавная, ровная волна света добралась до последнего, самого отдаленного корабля, над всеми суднами взорвался огромный салют, а за ним еще один, и еще один, но только трех цветов: красного, синего, голубого. Их исыры отразились в ее восторженных глазах. На кораблях зазвучала одна и та же музыка: ее настроение разливалось над океаном обещаниями верности и ожидания, прерывалось великой скорбью и взрывалось мгновениями счастья... Она никогда еще не слышала подобного. Словно повинаясь безмолвному приказу, все суда начали медленное движение навстречу черной ночи бескрайних просторов океана. Салют умолкнул, и в воздухе разлилась лишь эта одна мелодия. Корабли все больше и больше удалялись друг от друга, и тысячи мерцающих огоньков на них не потухали. Когда все доступное взору водное пространство замерцало в свете разошедшихся огней, она ощущала печаль и любовь, радость и грусть, успокоение и тревогу... Она повернулась к Коте. Его синие глаза проникновенно следили за ней.

– О, что это? Что за чудо? – прошептала она так тихо, словно боялась разрушить идиллию.

– Это традиция. Она называется «Ожидание». Ты ведь знаешь, что есть поверье, будто те, кто погибает в океане, остается там. Ну, духовно, что-ли?... – она кивнула, и Котя продолжил, – Так вот. Наш город стоит в океане, и получается, что мы тоже остаемся с ним после смерти. Каждый огонек на корабле – это свеча, это чья-то душа, но еще живущая. Посмотри, их миллионы, как и жителей Кейп-Тира. Волна, что отходит от берега в полночь забирает их от города, и огни зажигаются – это значит, что душа отделилась от тела. Красные, синие и голубые цвета символизируют океан – цвета солнца, воды, неба. А огоньки в воде – это те люди, которые уже умерли. Они окружают город для того, чтобы защищать его во время ожидания.

– Ожидания чего? – словно завороченная, спросила она.

– Ожидания возвращения душ. Там, в море, корабли расходятся глубже в океан, пока не догорит последняя свеча. Она может гореть хоть целый день, и это значит, что человек, которому принадлежит душа, не может найти себя. Каждый в этом городе во время свершения этой традиции совершает истинные поступки, он понимает, кто он есть. А когда корабли возвращаются, то эти искорки... – Котя махнул рукой в сторону серебряных светляков, что облепили причал.

– Они исчезают... – dokonчила она, – Но для чего это делается?

– Это такой праздник, что ли... Символизирует чистоту помыслов...

Котя улыбнулся. Ее разум затуманился от загадочного рассказа друга, словно действительно ее душа отделилась от тела. Она не могла не смотреть в его синие очи. «Как океан...» – подумала она»

– Где же ты? – задумчиво выдохнула она, глядя на очертания Падифа в воздухе.

Когда она спустилась, он уже ожидал ее у самой кромки воды Мертвого озера. Здесь туман был более плотный и каплями забирался в легкие. Черная фигура Падифа выглядела в белых клочках немного устрашающе. Он легонько толкнул ее рукой.

– Догони! – и бросился от нее бегом. Но она не шелухнулась. – Ты чего? – осведомился юноша и остановился в метрах десяти от нее.

– Но ведь сейчас зима! – неужели этот спортсмен думает, что она побежит за ним по снегу, холоду, да еще в промозглом тумане?

– Тебя не должна пугать погода! В конце концов, это всего лишь физические ощущения! – сказал Падиф и снова припустил от нее, но через некоторое расстояние приостановился, – Ну хорошо! Остаешься без завтрака, обеда, ужина, и завтрашнего завтрака, обеда и ужина! Если ты, конечно, не добудешь пищу себе сама! – и с этим условием начал удаляться от нее в тумане.

Она пробурчала что-то себе под нос и сложила на груди руки. Но, когда фигура юноши почти исчезла в тумане, она погналась за ним.

Черный силуэт все более и более удалялся от нее. Линии выпрыгивающих из тумана холмов стали размытыми. Из звуков больше не осталось скрежета снега под ногами, свиста ветра в ушах, шарканья одежд, лишь одни и те же повторяющиеся хриплые вздохи. Перед тем, как броситься в погоню, она даже не думала, что все окажется настолько сложно. В конце не выдержав, она закашлялась и остановилась, с гримасой боли и утомления оперевшись ладонями о колени.

– Паdif! – прохрипела она и подняла глаза: юноши уже не было видно совсем, – Паdif! – попробовала громче, но получила только еще один приступ кашля и свалилась на колени.

– Ты все еще догоняла! – услышала она голос Паdifа и подняла голову. Он стоял на расстоянии вытянутой руки от нее, уперев ладони в бока и смотрел на нее без единой капли сочувствия или пощады. – Что случилось? Почему ты рухнула на колени?

– Послушай... Я не могу больше... Давай вернемся...

– Что тебе мешает? – произнес он.

– Мне оч-чень трудно, я не п-привыкла... – у нее стучали зубы, – Оч-чень скользко и холодно, и у м-меня дых-хания не хватает...

– Нет, – он покачал головой, – Дело не в этом, а дело вот в чем, – и с этими словами он коснулся указательным пальцем ее виска, – В конце концов, все, что ты насаждала мне... Хм... Это всего лишь физические ощущения, – он встал и, отойдя от нее на пару метров, улыбнулся, – Только не бойся меня. И не злись, но мы продолжаем, ведь ты все еще догоняла! – и он побежал от нее совсем уж легким бегом, как-то даже лениво размахивая руками.

Энди глядела ему вслед и догадывалась, что он замедлил темп не потому, что сжалился над ней, а для того, чтобы дать ей дополнительное время.

– Безусловно, ты отлично натренирован, – забормотала она, – Ты воин, а я всего лишь... Но ведь не в этом дело, так? – и ей снова отозвались его слова, – Ведь ты веришь, что я могу и дальше бежать, а значит, я могу... – эта мысль постепенно начала укрепляться в ней, и она начала вставать на ноги. Колени уже заиндевели от холода, но она разогрела суставы и мышцы, пританцовывая. Собрав все остатки мужества, что теплились в ее сердце, она бросила их на еще один рывок.

Но только Паdif понял, что девушка догоняет его, то тут же ускорил темп, отчего она сразу пала духом и растеряла пыл. В итоге мужчине не понадобилось много времени, чтобы вновь скрыться. Через минуту бесполезного бега Энди остановилась окончательно: она даже не знала, в каком направлении двигаться. Усталость и боль жгли ее изнутри. Но Паdif не заставил себя долго ждать. Он вернулся и они пошли обратно к горе.

Пещера встретила ее теплом, уютом и спокойствием, и она облегченно вздохнула. Она пошла к костровищу, где они ужинали.

– Ты куда собралась?!

– Как куда! Завтракать!

– Нет, завтракать, так завтракать, только не обязательно идти туда. Это ведь костровище! – в звуках его речи слышалось столько укоризны, что Энди засмушалась, думая, что делает что-то не так.

Паdif поманил ее рукой. Они подошли к противоположной от входа стене, где в маленький колодец стекала чистейшая вода из горных глубин. Он протянул руки к стене и словно ухватился за что-то прямо в ее поллой поверхности. На фоне совершенно черного монолита пробежала светлая полоска, словно отблеск металла, и Паdif потянул. В камне оказалась дверь, за которой была кладовая с припасами.

Падиф потянулся к одному из мешков и вынул оттуда два яблока. У Энди глаза вспыхнули и слюни потекли. Юноша прищурился, поиграл плодами и бросил один девушке. Она быстро справилась с ним. Падиф же жевал медленно, прислонившись к стене.

– А может еще что-нибудь поедим? – голос ее звучал вежливо.

Падиф хмыкнул и покачал головой.

– Тебе нужно не съесть, а выплюнуть! – покачал головой он, – Пойдем! – и, подхватив что-то у входа, выскочил наружу.

На минуту девушка замешкалась. Потом она потрясла головой и с соблазном в глазах покосилась в сторону кладовой и кровати. Наверняка эта дверь не тяжело открывается... И кровать такая уютная.

Падиф ожидал ее у края платформы, и в руках у него были две длинные палки. Энди с нехорошими догадками уставилась на это орудие. Мужчина улыбнулся и бросил ей одну корягу. Она, испугавшись, с тихим криком отпрыгнула назад. Стук удара дерева о камень глухим эхом раскатился по равнине.

– Ты чего? Бери! – махнул Падиф рукой в сторону валяющейся палки.

– Зачем?

– Битва! – крикнул Падиф с видом быка, бросающегося на красную тряпку, побежал на нее.

– Стой!!! – закричала она, отпрыгивая в сторону и прячась за скамейкой, – Зачем?

У нее бешено стучало сердце и тряслись руки. Падиф выглядел суровым и слишком сильным для нее – она не была уверена, что он будет щадить ее тело. Одновременно с этим возможность насилия над ней со стороны малознамого человека пугала ее и принижала Падифа в ее глазах. Она не могла позволить ему бить ее. Он наклонил голову и весь скривился – даже неприятно стало на него смотреть, и быстрыми шагами вплотную подошел к ней, так что девушке пришлось еще отступить, чтобы не задирать голову, глядя ему в глаза.

– Слушай! Я сказал тебе драться – значит, ты должна делать так, что не ясно? – сквозь зубы прошипел он, – Ты будешь выполнять то, что я прошу?

– Не думай, что командуешь тут! – огрызнулась она, раздосадованная его грубым тоном.

– Почему ты еще здесь? Что тебе нужно? Кто? Мне учить тебя или пожалеть?

Она не знала, спрашивает он ее или насмехается. Но в голове забурили возможные ответы, если бы вопрос был серьезен. Она хотела жалости. Даже от него, от Падифа.

– Мне не нужна жалость!

– А чего ты постоянно жалуешься?

– Я не жалуясь, я просто хочу нормального отношения и объяснений!

– А, так тебе нужно объяснение, почему ты такая зануда? – и он оскалился в ухмылке, – Ну иди, иди, поразмышляй, позабывай себе голову чушью, может, в твоих мозгах не останется места. Может, тогда и легче будет сладить с тобою, как с обычным животным!

Она почувствовала, как голова наполнилась жаром. Руки сами с собой сжались в кулак, она оцетилилась и замахнулась на Падифа, но он легко, смеясь ей прямо в лицо, отстранил ее выпад. Перед глазами все отодвинулось, кроме его лица, а в ушах зашумело.

Она колотила его со всей силой, но он легко сдерживал ее. Да он мог бы просто сломать ей кости на запястьях, если бы хотел. В один момент он просто оттолкнул ее от себя, она быстро попятилась назад, но не упала. Он ухмылялся ей в лицо, а с губ готово было слететь новое оскорбление.

Злоба ко всему тому, что с ней произошло здесь, ко всем тем, кто заставил ее страдать, перерезала в ней все остатки разума.

– А, глаза у тебя сейчас действительно, как у вбешенной собаки! – воскликнул он.

Она ринулась к нему и сделала удачный выпад. Палка вырвалась из рук Падифа, но он отпрыгнул, взмахнул рукой – ноги Энди оторвались от земли и она отлетела от него

на несколько метров. В голове у нее перемешалось, а череп пронзила резкая и быстрая боль – она ударилась об камень.

Она задыхалась, но не столько от боли, сколько от гнева. Она снова слышала его смех и свирепо посмотрела ему в лицо. Он улыбнулся, но, увидев, что она уже направляется к нему, побежал в лес, и она, не глядя под ноги, погналась за ним.

Ветви хлестали ее по лицу, запутывались в волосах, опилки впивались прямо в кожу, но это только злило ее. Она перепрыгивала через прогалины, спотыкалась, но начинала догонять беглеца. Первый удар по его спине – и она даже не почувствовала стыда. Он свернул в сторону, нырнув за дерево, так что следующий удар соев палки она опустила на мощный ствол. Полетели щепки, пыль забила ей глаза, но она даже не сморгнула. Падиф кружил вокруг нее, блеск его глаз вспыхивал между стволов, и насмешка над ее неумением, над ее тщетными попытками скользила в них. Он размазлся перед нею, словно призрак, и маячил повсюду голубым сиянием, куда она не смотрела... Она кружилась на месте, с остервенением вглядываясь в деревья, прыгала на них и жаждала попасть по человеку.

– Нет! – заорала она, – Нет! Уйди отсюда, подлый предатель! – и принялась молотить палкой по земле, деревьям, встряхивая зеленые ветви от снега, который валился ей за шиворот. Внезапно среди белой пелены, что окутала ее глаза, возникло черное пятно, покачнулось перед нею, и в нем вспыхнули два голубых огонька, растворившись в черных туннелях глаз Падифа, и он грудой свалился к ее ногам.

Она держала палку в руках высоко поднятой, ожидая, когда же он встанет. Но он не вставал. Даже не двигался, и глаза его были закрыты. Она тяжело и глубоко дышала, сердце стучало с огромной скоростью, но перед глазами и в голове было ясно. Она сглотнула, прикрыла глаза и услышала, как клокочет где-то справа водопад, а встревоженные птицы перебираются с дерева на дерево. Она переступила с ноги на ногу: снег мерно и успокаивающе зашуршал. Она медленно опустила палку.

– Падиф? – неуверенно и тихо окликнула она его, – Падиф?

Он не отзывался. Она бросилась к нему и принялась терзать его за одежду, взывая к его пробуждению. Слезы истерики начали наворачиваться на ее глаза.

– Ладно уже, достаточно, – услышала она спокойный и ровный голос и чуть не свалилась в обморок.

Падиф смотрел не нее своими огромными черными глазами, лежа на снегу, и губы его не кривились в усмешке, а лицо было серьезным.

– Может, ты перестанешь сидеть на мне и дашь встать? – требовательно произнес он, и она тут же отскочила в сторону.

Падиф, кряхтя, встал, отряхнулся от снега и посмотрел на нее обычным, ничего особо не выражающим взглядом. Она же попросту потеряла дар речи. Два соперничающих друг с другом чувства поднялись в ней: отвращение к этому человеку и радость тому, что она его не убила.

– Легче? – только и спросил Падиф.

– Что, что это значит? – промямлила она, все еще не рискуя приближаться к нему, – Это все ты подстроил, специально?

– Ну, да.

– Зачем? – девушка не сердилась на него: разум ее грела радость, что Падиф оказался все-таки не тем наглым и заносчивым трусом, которым она его уже возомнила.

– Чтобы ты освободилась от той бури чувств, что накопилась в тебе, – сказал он, – Я ведь видел тебя, видел, как ты себя ведешь. Такое состояние тебе не нужно. Ты уж прости, что я тебе там наговорил, но ты должна была освободить свои обиды. Иначе они бы заточили тебя навсегда. А они были сильны, уж поверь, я сполна испытал их мощь на себе! – и он рассмеялся, таким чистым, звонким, приятным смехом, и Энди оставили все страхи.

– Что, я и вправду так страшна в гневе? – улыбнулась она.

– О, да, это определенно! Ну что, пойдём? Погуляем по этому дивному лесу, который ты чуть не разнесла на дрова!

Лес был очень красив: нижние ветви еловых деревьев под тяжестью снега свисали чуть ли не до земли, на иголках сверкали тысячи осколков льда, а кое-где виднелись и завитые причудливыми формами сосульки. Снег под ногами был усыпан шишками, голыми кустами черники и красными сполохами брусник. Лес очаровывал.

Юноша побежал в сторону водопада, гудение от которого, казалось, раздавалось из-под земли. Когда они приблизились к каменной стене, он стал осторожно выбирать, куда ставить ногу – под снегом было скользко. Она шла за ним и смотрела в его широкую спину.

– Я нанесла тебе такой сильный удар по голове, а у тебя даже крови нет. Как такое возможно? – закричала она, перебивая шум водопада

– Очень просто. У меня крепкий череп.

– Падиф, я не глупая, – воскликнула она, – Обычный человек не мог так быстро перемещаться, как это делал ты. И нельзя просто так отбросить человека в воздухе. Скажи мне честно: ведь моя палка даже не коснулась тебя?

Он резко остановился, а она чуть не налетела на него.

– Да, ты права, – точно и быстро выпалил он, глядя на нее в упор, – Твое оружие и не коснулось меня.

– Получается, ты очень хороший актер? Со стороны казалось, что ты упал замертво.

– Видишь ли, все то, что я делал – отшвырнул тебя к стене, позволил себе перемещаться подобно тени, не допустил удара о свою голову – все это последствия того, кем я являюсь. Нет, я самый обыкновенный человек, и у меня нет каких-то необычайных сил, как ты подозреваешь. Я использую силы, что вокруг нас, хотя они тоже требуют взамен энергии.

– Ты имеешь в виду эти ваши основания? – выкрикнула она.

Он кивнул. Она хотела что-то сказать, но все вокруг глушил жуткий рев. Она подняла голову и улыбнулась: они вышли к водопаду. На противоположной его стороне ее недавно поймал тот желтоглазый человек. Тогда он потащил ее в пещеру.

– Падиф, а что находится там, в пещере? Там какой-то проход, да?

– Да, там коридор... Он ведет глубже в скалу, – уклончиво и нехотя протянул Падиф.

– Наверное, не стоит спрашивать, куда именно?

– Не стоит, – быстро сказал он.

Его ответ задел девушку. Она думала, что Падиф доверяет ей, но сейчас поняла, что он скрывает от нее не только подробности своей роли на этой горе, но много других вещей. Она задумалась, действительно ли он считает ее тем великим воином, о котором все время говорит.

Они вернулись в пещеру и наконец пообедали. После этого девушка лениво направилась к кровати. Она надеялась, что Падиф оставит ее в покое хотя бы на полчаса. Но он уже снимал с крючков свое оружие.

– Что это ты собираешься? – спросила она.

– Снаряжаю тебя для первого урока верховой езды.

Он подхватил вещи с кровати, рассек пещеру и вышел наружу, не заметив ее удивления. Она знала, что он не даст ей отдыхать, поэтому последовала за ним. Он вернется и разбудит ее, да еще посмеется над ее страхами и ленью.

– А где мы возьмем лошадь? – промямлила она, выйдя на каменную площадку.

– Есть один конь, – ответил он, и, запрокинув вещи за спину, начал карабкаться вниз по лестнице, – Вы с ним наверняка поладите. У вас есть что-то общее в характере.

Через минуту они вместе стояли у основания лестницы. Он смотрел на темный лес, что окружал гору. Она ждала, что он скажет что-нибудь, но мужчина молчал. Наконец, она уловила отдаленный стук копыт о твердый снег.

Две лошади выскочили из-под деревьев. Белый конь подбежал к Падифу и ткнулся мордой в его плечо. Мужчина ласково погладил животное, потом повернулся к другому, вороному коню. Он взял его за поводья и протянул их Энди.

– Вот, это Ветер, – сказал он, а она со страхом отшатнулась, – Подержи, пока я оседлаю его.

Едва она взялась за уздцы, как тревога навалилась на нее. Но конь только посмотрел огромными черными глазами и отвернулся в сторону холмов, словно прикидывая, сколько он сможет проскакать. Девушка слегка расслабилась.

– Почему его назвали Ветер? – пробормотала она.

– Хм... Он появился на свет очень быстро и всегда был непредсказуем, – и тут Падиф улыбнулся, – Его мать, Асенес или Спасение, стоит рядом со мною.

Энди выпучила глаза на белую кобылу. Падиф кивнул и вскочил на спину Спасения. Он не пользовался седлом, а на спину Ветра постелил кожаный мешок.

– Самое главное, что ты должна запомнить, квален: Кристо не просто твой скаковой конь, он, в первую очередь, твой союзник. Ты должна относиться к нему с любовью и пониманием, и тогда получишь это же взамен. Едва только ты обрушишь на существо, которое оберегаешь, беспричинный гнев или изольешь на него свою досаду, оно тут же отвернется от тебя, ибо этим ты проявишь не только свое истинное отношение к нему, как к игрушке, но и обнаружишь свою слабость. Запомни: в общении с любым существом в этом мире важно найти гармонию. Ты понимаешь меня?.. – сказал Падиф мелодичным, похожим на всплески волн об утесы, голосом, а она задумчиво покивала головой.

Но важным оказался только опыт. Она старалась копировать движения Падифа, терпеливо исполняла его приказы. Казалось, ему не требовалось вообще никаких усилий, чтобы держаться на спине Асенес. У него даже не было поводьев, он изредка хватался за шею лошади. Из-под копыт Спасения взвинчивались клубы снега, рот ее был открыт, из него тонкими клочками выскакивал пар. Всадник же оставался совершенно спокоен: его глаза отслеживали каждое еле уловимое движение кобылы бесстрастными, холодными взглядами.

В отличие от нее. Она жутко не хотела залезать на Кристо только потому, что этим обременит бедное животное, а вдобавок она жутко боялась, что новый друг не примет ее. Когда она наконец-то при помощи Падифа вскарабкалась в седло, то у нее закружилась голова: земля показалось ей чем-то очень далеким, а поднимающаяся от дыхания спина Ветра укачивала ее сильнее, чем океанская волна. Конь постоянно шевелился, то перебирая копытами, то дергая головой, то сокращая и расслабляя тугие мышцы, а Энди готова была свалиться с него при первом же дуновении ветра... Единственное, что подбадривало ее, то, что Кристо не поднялся на дыбы и не сбросил ее. Он только удивленно уставился на нее.

– Всунь ноги в стремя! Сползи немного на седле назад! И открой глаза, в конце концов! Возьмись за поводья! – слышала она громкие приказы Падифа, который вертелся на месте, наблюдая за ее жиденькими успехами.

Она пыталась мысленно просить Ветра сохранять спокойствие. Она не могла понять, слышит ли он ее, да и эта телепатическая связь казалась ей безумием. Кристо едва заметно шевелил кончиками ушей и только бил копытом по снегу.

– А теперь – двигайся! – приказал Падиф.

Едва Ветер тронулся с места, она бросила поводья и схватилась за черную шею, прижавшись к коню всем телом.

– Чего ты боишься? Травм и ушибов? Тогда тебе вообще нечего тут делать! Боль – это вечный спутник нашей жизни, и тебе остается либо принять его, как равного, либо постоянно прятаться! – попрекнул ее Падиф и пронесся так близко, что чуть не задел ее плечом. Ветер испуганно отшатнулся от Асенес.

Он отъехал от них на некоторое расстояние, и это словно развязало Энди мысли. Она обмякла на теле коня и прошептала ему в ухо ласковые слова. Кристо качнул головой и медленно пошел вперед. Стараясь двигаться в соответствии с ритмом лошади, девушка выпрямилась и взяла в руки поводья. Обрадованная своим маленьким успехом, она вскинула голову, но забыла об осторожности и мгновенно соскользнула с седла, ударившись плечом об твердый настил. Ветер тут же остановился. Когда белые блики перед глазами прошли, она увидела над собою, очень высоко, Падифа, подъехавшего к ней и глядевшего теперь сверху вниз.

– Садись в седло, это еще не все.

Она поморщилась и с трудом поднялась. Ее первые успехи остались пока единственными. Теперь она падала, не успев вскарабкаться в седло. Падиф же, похоже, то ли не замечал ее страданий, то ли делал вид, что не замечает.

Солнце медленно начинало садиться, и девушке казалось, что оно нарочно так лениво ползет к горизонту, чтобы ее мучения продлились дольше. Она уже не соображала, что творится вокруг, фигуры Падифа и его лошади размылись, превратившись в одно сплошное серое пятно на белом фоне снега, а черная шея Кристо казалась ей невероятно яркой и отчетливой до рези в глазах. Но, когда снег обагрился красками заката, а на горизонте замаячили серенькие тучки, Энди услышала самую лучшую фразу за этот день.

– На сегодня хватит! Обратно пойдем пешком!

Дважды просить не пришлось. Она со вздохом облегчения скатилась со спины Ветра и, согнувшись, принялась массировать себе задеревеневшие мышцы в бедрах.

Разогнувшись, она сначала погладила Ветра по гриве. Этот конь сегодня тоже хорошо потрудился. Она, сама пока еще этого не осознавая, уже прониклась к нему крепкой привязанностью, ибо он всегда останавливался, когда она падала, и смотрел на нее намного сочувственнее, чем ее человеческий друг. И только сейчас, когда она любовалась его великолепной черной шерстью, она поняла, что все ее страхи прошли: она не думала о том, что они с Кристо не поладят, не ощущала трепета от того, что завтра уроки продолжатся и будут намного труднее из-за синяков. От этой внутренней свободы ей стало так хорошо.

Ностальгия съедала ее. Она падала в Кейп-Тир, бродила по его улицам, прыгала в его океан. Там она была полна надежд и воли, здесь она полна разочарований и чужими приказами. В ее сознании отражались лица любимых и это лицо в голубых глазах. Рядом с ним появлялось еще одно, без формы и цвета...

– Все, хватит, – твердо сказала она себе.

Она резко поднялась с кровати, оделась, пересекла пещеру и вышла наружу. Вместо бледного солнца на голубом небе сидели неподвижно старые кучевые тучи.

Она плотнее закуталась в одежду и попыталась размять мышцы, хотя это было больно – полтела у нее опухло от тренировок. На одной из стен что-то ярко блеснуло. Она приблизилась и ахнула: это было зеркало.

Она исхудала. Кисти рук костяшками торчали из рукавов куртки, а штаны свисали на выступающих бедрах. Лицо ее вытянулось и заострилось, а глаза сверкали как-то беспокойно и лихорадочно. Они словно постоянно двигались, покрывались рябью. Она все вглядывалась и вглядывалась и вдруг отшатнулась: это было не ее отражение. Она не хотела больше на него смотреть – кто-то другой смотрел на нее оттуда.

Она отвернулась и увидела стол с какими-то дощечками с неизвестными письменами. Она взяла одну в руки, повертела, но безучастно положила на место. Ее влекло в другое место, в кладовую, где она могла раздобыть что-нибудь поесть. Она даже могла сделать себе завтрак, пока Падиф не видит.

Она заглянула в каждый мешок, просто чтобы знать, что Падиф от нее прячет. Там были запасы овощей и фруктов хлеб, приправы и специи, мед, варенье, даже сыр, вяленое мясо и, в самом темном и холодном закутке, куриные яйца.

Она взяла еду, раздула угли и быстро поджарила яйца. Не успела она проглотить первый кусок, как пещера наполнилась холодным воздухом, снег всколыхнулся на пороге и внутрь зашел Падиф. На поясе у него блестел ятаган. Он посмотрел на нее приветливо.

– Я вот тут решила приготовить завтрак... – проямлила она.

Он повесил оружие на стену и присел к ней.

– Угостишь меня?

– Конечно! Что за вопрос? – воскликнула она.

Они ели молча. Когда Падиф отложил свою тарелку, она убрала посуду, а он сел за стол.

– Подойди-ка сюда, квален, у меня есть для тебя хорошее занятие, – сказал он.

Она присела рядом с ним.

– Я приготовил записи по истории и географии. Начнем, пожалуй, с географии, потом история, потом язык... Хм... С языком будет сложно, но это будет и нескоро...

– О, мы начинаем уроки? – с воодушевлением спросила она.

– Уроки чего? Знаний? Да. Но их недостаточно, чтобы знать Искримен. Тебе нужно не просто выучить его, а захотеть понять, уметь предсказывать, слышать, что он тебе говорит.

– Такое ощущение, что только и делаю, что слушаю его...

– Что ты имеешь в виду?

– Сегодня снова этот голос мучал меня во сне.

– Мучал, потому что ты слышишь, но не понимаешь.

– А ты научишь меня?

– Я не могу научить. Могу направить.

– Ой, да это все равно...

Последнее она сказала уже про себя, отмахиваясь от туманных изречений.

– Нет, квален, все было не сразу. Жизнь, какой ты ее знаешь сейчас, зародилась постепенно, благодаря трудам первого человека, кто смог преодолеть пустоту и мрак зимы. Просто взять и появиться естественным путем, как ты говоришь, ничего не могло, ибо вокруг царила одна лишь гиблая пустыня. Первопроходец сумел создать жизнь из смерти... Я уже говорил тебе об этом... – Падиф свел брови на переносице и напряженным взглядом уперся в стол.

– Да, я помню. Но как первопроходец смог взаимодействовать с основаниями, и откуда он оказался среди той гиблой пустыни, если там ничего не было? – не унималась Энди.

– Этот вопрос волнует не только тебя, но и всех нас, таленов. Не существует разгадки этой тайны, и когда-то именно этот пробел в истории послужил дополнительным поводом для сомнений таленов прошлого, которые и привели к разобщению людей... Пожалуй, лучше будет, если ты сама прочтешь вот это, чтобы понять, какие сведения мы имеем по этому вопросу, – и он потянулся к краю стола, где лежала увесистая стопка деревянных дощечек.

– О, нет, нет, ведь я не пойму ничего на вашем шепелявом языке! – тут же попыталась отмахнуться Энди, с некоторым отчаянием смотря на колоду пластинок.

– Не тревожься, – тихо сказал Падиф и снял со стопки несколько дощечек, – Записи сделаны на твоём языке.

– Что? Но... Как это возможно?

– Это возможно, потому что твой язык использовался на самой заре мира, когда по земле еще ходил Первопроходец, – и юноша, загадочно улынувшись, протянул ей деревянную повесть лет.

– Тебе не кажется это странным? Я попала в этот мир сама не знаю как, и оказывается, что первый человек в этом месте говорил на моем наречии? Или это просто совпадение? – нервно усмехнулась она.

– Я говорил тебе, что все взаимосвязано. И совпадения... Это оправдание слабых духом и разумом. Такого явления просто не существует.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты знаешь, – довольно резко ответил Падиф.

Энди облизнула губы и, опустив веки, приняла из рук юноши деревянные листки.

«Ужас, беспроглядный мрак и опустошение – это окружало меня, и не было вокруг ничего, кроме смерти. Воздух, плотный, безвкусный, такой же пустой, как и все вокруг, просто не мог уместиться в груди, разрывая ее... И не одного звука вокруг. И единственное, что оставалось, это слушать голос внутри себя, следовать его зову, высасывая у смерти ее убийственную энергию, чтобы жить самому, чтобы таяли снега для новой жизни... Но пустота не могла покинуть мир, она не могла просто так уйти, если единственная мысль в мире была в одном лишь человеке, возрождающем жизнь из праха. И тогда мне стало ясно, что делать, и моею просьбою было создать для меня подругу, и я попросил основания, попросил мир об этом. И я отдал свою мысль всему, что жило, впустил в себя тот разум, что был вокруг. И так появился род ваш, разумный, живой, свободный и смертный, ибо смерть нельзя искоренить навечно.»

– Он что, писал его сам? – она недоуменно посмотрела на Падифа.

– Да, – улыбаясь, закивал головой наставник, – А еще у него были помощники – летописцы, некоторые из которых писали с его слов.

– Помощники – ученики?

– У него не было учеников, хотя многие хотели бы, – скривил губы мужчина.

– Многие? – переспросила она, но Падиф укоризненно и строго взглянул на нее и она тут же поправилась, – Я имею в виду, кто хотел и почему он не взял их?

– Хотели те, кто был наиболее приближен к нему, если кто-то вообще мог быть ему близок. Ведь вся его семья умерла, тогда как он был обречен жить долгое, долгое время среди чужих людей, не ведающих о том, что было в самом начале. Хм... Считается, что он не брал учеников, потому что руководствовался тем правилом, которое используется и поныне – к познанию приходят самостоятельно.

– Но как тогда передались все эти знания об основаниях и прочее?

– Он дал лишь ключи. Тем более, его мысль была повсюду.

– Падиф, а когда он создал людей, он стал их вождем? Или просто очень почитаемым человеком?

– А почему ты так уверена, что людьми тогда кто-то вообще руководил? – Падиф наклонил голову, словно бы пытаясь рассмотреть ее лицо с другого ракурса.

– Ну, так устроен человек. Без власти будет хаос. Иначе откуда будешь знать, как поступать? Нужен какой-то образец, какой-то стандарт, в соответствии с которым следует жить...

– А ты не думаешь, что если человечество будет жить в гармонии друг с другом, то никому не нужно будет руководить им?

– Только если это будет. Но этого не будет – люди не смогут согласовать все свои действия и желания.

– Суть существования без руководства заключается не во всеобщем равенстве, а всего лишь в понимании каждого своей истинной цели, талантов, требований.

– Знаешь, Падиф, все это звучит довольно неопределенно.

– Не более неопределенно, чем твои рассуждения, – сказал он, – Ну а теперь скажи мне, что ты думаешь о происхождении оснований и о тексте, который прочла.

– Да, точно, – спохватилась она и сосредоточилась, – Первопроходец говорит, что слышал голос внутри себя – что это за голос?

– Я думаю, это голос оснований. Возможно, но мы не знаем точного ответа.

– Нет, тогда бы он написал, что слышит голоса, ведь оснований – четыре?!

– Возможно, – только и сказал Падиф.

– А что если это... Тот же голос, который и в моей голове? – предположила она, – Ты можешь его чувствовать, но не слышишь, а я – слышу, но не различаю. Может, только Первопроходец мог понимать, что этот голос говорит ему?

– Я и не предполагал, что это может быть тот же голос, что и у Первопроходца!

– Ты сомневаешься в моих силах? – она пошутила, но Падиф, очевидно, воспринял эти слова серьезно.

– Наоборот – это воодушевляет меня еще больше! – и он вскинул руки, улыбаясь.

– Ладно-ладно, – заворчала она, пытаясь унять неприятную тему в зародыше, – Я еще кое-что хотела спросить по поводу этого текста. Он пишет, что отдал свою мысль миру. В чем смысл?

– В этом наша гармония. Все мы – плод одного сознания, именно поэтому мы можем общаться с основаниями и друг с другом мысленно. В каждом из нас – части его, Первопроходца. Хотя и с каждым новым рождением сознания людей все больше отличались друг от друга.

После они покатались на лошадях. Когда они возвращались обратно, она обратила внимание на тонкую белую полосу на горизонте.

– Что это там? – выпалила она, – Там, на горизонте?

В ответ Падиф нахмурился и напряженно взгляделся в белеющую вдалеке полосу.

– Это Смерть, – коротко сказал он ей.

– Смерть? Что ты имеешь в виду?

Но Падиф не отвечал. Его молчание становилось каким-то зловещим.

– Это Зима? – спросила она, а юноша только едва заметно кивнул ей, – Но... Но ведь ее уже нет... Ты ведь говорил, что она была уничтожена...

– Я не говорил тебе этого! Я говорил тебе, что жизнь постепенно приходила в этот мир, но это не значит, что она уже заполонила его весь!

Энди судорожно вздохнула, переводя дух. История о Вечной зиме казалось ей мифом, исковерканной столетиями историей. Теперь круг неизведанных и потенциальных опасностей в ее сознании расширился. Она поежилась.

– И как вы живете здесь с таким спокойствием, когда рядом это? – не сдерживая своего испуга, взвизгнула она.

– А кто тебе сказал, что мы спокойны? – проникновенно поинтересовался Падиф, – Как ты думаешь, почему Первопроходец выжил? Наше сознание сдерживает ее, – ответил он.

Инскримен оказался действительно не таким великим и большим, каким она его себе представляла. К югу и западу от горы Ревен были сплошь холмы. Севернее скалы лежал тот самый лес, в котором она спасалась когда-то, кажется, уже очень давно, от желтоглазого сообщника Падифа, а сквозь лес, огибая Ревен и теряясь в холмах, протекала река, что и вынесла девушку к каменному гиганту. С северо-западной стороны лес теснили Бринчатые скалы, что когда-то стали приютом для изгнанных таленов, а на восточной стороне леса, рядом с краем карты, были поля. Далеко на западе воздвиглись горы с широким ущельем в самом их центре, которое перерастало в туннель к северу.

– А что здесь? – ткнула Энди пальцем в пустое место южнее гор, – Там Зима?

– Нет. На самом деле, эта территория уже очищена, но мы не можем знать, что там теперь.

– Что вам мешает?

– Не что, а кто, – поправил ее юноша, – Это ярики. Вот это Царенные горы, а внутри них ущелье Щарегал Элена. Ярики заняли это место еще на заре войны, а ведь оттуда еще не была изгнана Зима... Не знаю, как они смогли выжить, но сейчас они заслоняют от нас юго-западные земли, и мы давно не знаем, что там творится. Мы не можем заглянуть туда даже с помощью силы оснований...

– Что же они там прячут? – прошептала Энди, – А что это за пятно с рожками?

– Это озеро Салиест Темпела, служит своеобразной границей, разделяющей сферы влияния леканов и яриков. Эти две черточки – это две сторожевые башни, которых иногда называют Глазами Равностояния, так одна из них стоит ближе к северу, другая – к югу. Эти башни были воздвигнуты как охранные сооружения после некоторого события, случившегося относительно недавно. С тех пор ярикам трудно пройти незамеченными.

– А что это было за событие?

– Хм... Один очень молодой и неопытный тален попал в окружение врагов, ибо нес при себе ценную информацию, и вынужден был бежать другим путем. Когда силы почти оставили его, он случайно вышел к этому озеру, которое спасло его своими целительными свойствами, силой своей воды. Но ярики преследовали его и только благодаря Селемеру юный воин смог остановить их, ибо воды этого озера почему-то не потребовали для выполнения его просьб многого взамен, и так юноша благополучно вернулся на Ревен, доставив важные новости. После он вернулся к этому озеру и исследовал его. Он соединяет в себе силы Селемера и Ламара и находится посреди пустоши.

– А кто был этот юноша?

– Это был родственник правителя ревенцов.

– А какая география Зимы? Или этого никто не знает?

– Может быть, кто-нибудь и знает, может, ярики побывали там, раз они смогли выжить в Царенных горах... – ответил Падиф.

– Расскажи мне про эти поля... Что они делают на самом краю мира, рядом с Зимой?

– Это посевные поля, зовутся Окраинными. Там леканы сеют зерновые, овощи, пасут свой скот. Может показаться странным, что эта земля обладает таким плодородием, находясь рядом с Зимой, но в близости смерти и кроется суть жизни.

– Значит, все, что мы ели – с тех полей?

– Да. Мы обмениваемся с леканами, жителями леса Хафис, едой и металлами, обучаемся друг у друга, – Падиф замолчал, ибо заметил, что Энди слушает его вполуха. Девушка погрузилась в раздумья: долгие воспоминания, неполные образы всплыли в ее сознании.

– Падиф, расскажи мне об этом лесе, Хафис.

– Это место было одним из первых, очищенных от смерти, поэтому Хафис считается самой древней частью Искримен, и именно там, по преданию, жил Первопроходец и первые люди, – далеко не сразу начал Падиф, сначала придирчивым взором поглядев на нее, – В этом лесу живет что-то большое, сильное и одновременно истощенное. Это странное ощущение, я не могу объяснить тебе это, это чувствуешь только там. Еще кажется, что там кто-то смотрит на тебя. Причем не так, как здесь на Ревен, там другое. Что-то прокрадывается в самое сознание и наблюдает оттуда... – Энди почудилось, что плечи Падифа дернулись, – Не самое приятное ощущение. Ты, кстати, не чувствовала ничего такого?

– Нет, вроде нет... – неуверенно сказала она, – А вы не спрашивали об этом у самих леканов? Почему так происходит?

– Они не открывают секрета такого влияния леса на таленов. Может быть, они и сами не знают... – Падиф покачал головой.

Энди выдержала паузу.

– Там, в лесу, деревья вдруг омертвели... И они говорили со мной. Или что-то вокруг говорило со мной, – тихо и медленно проговорила она.

– Да, я слышал, как Ламар ликовал.

– Ламар – это основание? Но почему? И зачем нужно было убивать те деревья?

– Да, основание. Он не убивал деревья. Он взял их силы, чтобы исполнить твою просьбу.

– Нет. Нет, какую просьбу? Что за чепуха, я не хотела убивать лес!

– Конечно, не хотела. И Ламар этого не хотел. Но ему была нужна энергия, чтобы исполнить твою просьбу, но не печалься! – он повысил голос, опережая ее возражения, – Эта энергия была отдана с радостью, потому что это было сделано для валена.

– Что же это за вален такой, который заставляет мир умирать? Это не я! – она вскочила.

– Тихо, тихо! Пойми, для Ламара имело значение заставить тебя верить. А когда ты научишься контролировать свои желания, ему это не потребуется!

– Ничего не понимаю! – она схватилась руками за голову.

Падиф ничего не сказал.

– Ладно. А расскажи мне про Бринчатые скалы! Я хочу знать, как они велики, какова высота их пиков, как глубоки их ущелья и для чего они используются сейчас!

– Хм... Когда верных основаниям таленов начали ссылать туда, Зима еще жила в скалах, и люди там страдали. Порою тем, кто остался в лесу, казалось, что со стороны скал они слышат стоны о помощи, обращенные к основаниям... Именно потому эти скалы получили такое название. Однако, сами жители скал в начале войны называли это место по-другому: Приют спасения. Сейчас их потомки объясняют столь необычное имя тем, что Бринчатые скалы стали новым домом для таленов, которые хотели спасти основания, – сказал Падиф и остановился на несколько секунд, глубоко вдохнув и прикрыв глаза, словно бы вспоминая что-то, – Бринчатые скалы на первый взгляд кажутся жутко неудобными, но на самом деле там все не так плохо. Там много пещер, ущелий, пологих склонов и острых пиков, тропы ведут в овраги и ямы, а каждый камень похож на другой – чужаку там не пройти. Сейчас Бринчатые скалы защищают леканов от неожиданного вторжения с севера. Там еще сохранилась старая каменная крепость...

– А ярики знают об этой заставе?

– Мы подозреваем, им известно что-то.

– А у них ведь тоже есть территории, скрытые от вас... В этом ваши тактики похожи, – сказала она.

– Разница в том, что их шпионы проникают на наши земли, а мы не можем и близко подойти к Цараненным горам.

– Почему? Ведь вы можете скрыться с помощью оснований...

– Мы посылали туда таленов. Но они не возвращались. Однажды мы даже пытались штурмовать горы, зашли в ущелье Щерегал Элена, но проиграли...

– Ого, давно это было?

– Да, достаточно давно. Тогда вален был с нами. Но и с ним мы не смогли одолеть войско яриков, – задумчиво сказал Падиф.

– Значит, не такой уж и всемогущий этот вален! – буркнула зло Энди.

– И Первопроходец не был всемогущ, раз допустил падение таленов.

– Это странно, да?

Падиф не сразу ответил ей. Он посмотрел на нее долго, взвесил свои мысли и ее реакцию. Ему не хотелось говорить об этом, она чувствовала. Ведь так он признавал бы слабость в человеке, который по его мифологии создал этот мир.

– Это непонятно, по крайней мере, – наконец выдал он, – И это главная загадка. Мы не знаем, что произошло тогда.

Они повисли в молчании.

– Отлично! Давай-ка выйдем! – вдруг скомандовал он и резво поднялся со своего места, снял со стены над своей кроватью две палки, на которых они сражались.

– Э-э-э, Падиф, а зачем тебе эти палки? – нервно поинтересовалась Энди, а кровь в ее жилах неприятно похолодела.

– Затем же, зачем и вчера, – не увиливая, сказал он, а сапог, что она натягивала на ногу, чуть не выпал из ее задрожавших рук.

Он ожидал ее у входа. Она чувствовала на себе его взгляд, но упорно делала вид, что любит закатом, хотя в глазах у нее была пустота. Падиф тыкнул ее концом палки прямо в печеньку, без смущений глядя ей в самые глаза.

– Нанеси мне удар!

Грудь Энди тяжело поднималась, когда она, словно в замедленной съемке, наблюдала, как полная сильных мышц фигура Падифа надвигается на нее – тонкую, хрупкую, почти что ни разу не дравшуюся девушку, и страх мешал ее мысли, путал ее сознание, которое отчаянно пыталось найти оптимальное решение. В глазах Падифа она не видела гнева или жестокости, наоборот, его глаза смотрели спокойно.

Она всегда думала, что та невероятная стойкость, с которой герои криминальных фильмов противостоят своим врагам, есть не что иное, как режиссерское преувеличение. Но сегодня она поняла, что ошибалась. Схватка придала ей сил. Падиф, словно издеваясь над ее неповоротливостью, прыгал и вертелся совсем рядом с ней, колот ее палкой, а она не могла дотянуться хотя бы до шлейфа его куртки. Сначала он бил не сильно, но чем более солнце клонилось к земле, тем сильнее и настойчивее были его удары.

Наконец, она упала и поняла, что, несмотря на кипящие внутри эмоции, не может больше встать. Она отчетливо слышала топот пары ног, приближающийся к ней. Мозг ее сразу же начал рисовать жестокие фантазии, в которых Падиф с торжествующим видом добивает ее лежащей. Она увидела, что его сапоги встали совсем рядом с ней, но вместо ударов ощутила на своих плечах широкие ладони мужчины, и уже через секунду она стояла, пошатываясь и поскуливая от пульсирующей по всему ее телу боли. Лицо наставника смотрело прямо на нее, но для Энди все предметы вокруг превратились в размытые пятна.

Он завел ее в пещеру, посадил на кровать и дал ей баночку с какой-то мазью. Она помазала все синяки, закуталась плотнее в одеяло, но долго не могла уснуть: ее тело дергалось, а мысли резвились в голове, словно дети.

Глава 7

Впервые за долгое время она проснулась не от грома неизвестного голоса в голове, а от обычного кошмара, хотя, конечно, второй вариант не многим предпочтительнее первого.

Шорох раздался у входа, и на пороге возник Падиф – в волосах его и на плечах блестели снежинки, а сапоги покрыл иней. Он отряхнулся от снега, прошел к кострищу, свалил там какую-то тушку и начал разжигать костер.

Несколько минут она беззвучно следила за его действиями, не желая проявлять признаков бодрствования. Даже не двигаясь, она ощущала, как горячая кровь пульсирует в ранах – чувство такое же, словно она слушает вибрацию страйлковой платформы в ожидании поезда.

Но притворяться спящей было бессмысленно. Он знал, что она не спит. Энди медленно поднялась и села напротив Падифа.

– Ну что там у тебя? – спросил он, разрезая мясо и бросая его в котел с водой.

– Да все так же, – перевела дыхание она, – Много ли изменится за два дня?

– Сегодня отличный день! – воскликнул он и, подняв голову, окинул Энди придиричьим взглядом, – Снег припорошил землю, а воздух свеж и чист, причем солнце сокрыто за тучами.

– К чему это ты говоришь? – насторожилась девушка.

– Неужели нельзя просто поговорить о погоде? – фальшиво возмутился Падиф и улыбнулся.

– Неа, – только покачала головой она.

Мужчина рассмеялся и объявил ей, что они снова будут упражняться с лошадьми. Она застонала, но не смогла переубедить его.

– Квален, – с чувством обратился он к ней, – Многие травмы остаются на всю жизнь, и не только физические. Люди страдают от ущерба, нанесенного их разуму, гораздо сильнее, чем от телесного, ибо боль тела – проходящее явление, и последствия подобных травм всегда можно исправить...

– Ага, я думаю, новую руку или ногу мне никто не пришлет, – грубо прервала она, но Падиф повелительно вскинул вверх палец.

– Ты думаешь, на моем теле нет отметин, что были оставлены мне временем и пережитыми событиями? Ты ошибаешься. Травмы, некогда полученные мною, до сих пор напоминают о себе, но я не вижу смысла напоминать себе и другим о них, ибо тален сильнее физического чувства. Ты не должна жалеть свое тело. Так что сегодня мы возобновим занятия верховой ездой. Тебе нужно регулярное общение с Ветром.

Она ничего не могла сказать в ответ. Если бы она сделала это, то Падиф просто предложил бы ей покинуть Предзакатную ступень. Было ли лучше сидеть здесь, выполняя его приказы, или в какой-нибудь тюрьме, но ничего не делая? Она не понимала, почему просто не попробует пойти прочь отсюда, прямо и прямо? Одновременно ярость клочкотала в ней без удержу. Даже сейчас она чувствовала, как дрожат ее руки, удерживающие посуду. Это ощущение становилось все сильнее, и вконец она с подавленным криком бросила тарелку на пол и схватилась за голову.

– Не бойся, квален. Твое сознание путается и тревожится, потому что оно меняется. Ты не можешь справиться с этим – пока не можешь. Но суть не в том, что ты должна справиться с этим или искоренить это из себя. Ты должна научиться ладить с этим и принимать это в себе.

– Что?

– Со временем ты поймешь эти эмоции, их значение и то, во что можно их преобразовать. И тогда они уже не будут для тебя неприятны. Ты научишься использовать их, и, пожалуй, в этом заключается смысл твоего обучения у меня. Когда ты научишься делать это, тогда мои советы и приказы больше не будут иметь значения.

Энди напряженно обдумывала сказанное и вдруг осознала: когда-нибудь Паdifф оставит ее. И хотя это было очень далеко во времени, а могло вообще не случиться, а может, это вообще не было реальностью, но ей вдруг стало тоскливо.

– Ты покинешь меня?

– Я всегда буду твоим другом.

« – Эх! Как бы все успеть! Дай небеса, сегодня спать лечь в полночь! И то я обрадуюсь! – сказала она своей сестре, ступая по мокрым страйлковым платформам и поглубже запихивая руки в карманы, а голову прижимая к плечам, защищаясь от промозглого ветра.

– Да времени вообще нет! Приходишь с работы, готовишь есть, готовишься к следующему уроку, проверяешь контрольные, а там уже и ночь! Где там отдохнешь? – развела руками Катарина, и изо рта у нее вывалил влажный пар.

– Время так бежит, что даже не верится! Поэтому я его перестала торопить. Раньше, знаешь, когда еще маленькая была, торопила дни, а сейчас думаю – нет уж! Время и так быстро идет, куда ж его еще подгонять! Потом оглянешься и пожалеешь, что не ценил каждое мгновение... – выдала она возбужденным голосом, и глаза ее заискрились среди пасмурности и уныния.

Одинокая машина медленно проплыла мимо них, осветив на несколько секунд дорогу впереди яркими голубоватыми лучами фар. Дождь на миг рассеялся и обнажил почти пустую улицу северной части электромагнитного мегаполиса. Проходящая женщина взглянула на них хмуро из-под бровей – она была закутана в длинное пальто. Женщина прижала к себе поближе сумочку, как будто опасалась, что она и Катарина собираются ее ограбить, и быстро прошла рядом с ними.

– Странно это все-таки... – вдруг пробормотала она, проследив за незнакомкой, – Вот так вся жизнь у людей проходит в одних и тех же буднях, а чего они этим добиваются? Успеха, денег, славы... Но для кого это все? И что будет дальше? Кто вспомнит о нас, когда нас не станет?»

– А если я уйду, ты будешь помнить меня? – прошептала она.

– Еще бы. Но лучше было бы, чтобы ты не уходила, – не сразу ответил Паdifф, а она улыбнулась, – Ты еще столько должна узнать! – воодушевляющее воскликнул он, а ее улыбка, наоборот, тут же исчезла. Но он не понял, почему.

Новый день встретил ее порывистым дуновением ветра, который выскреб ее волосы из шапки и запеленал ими глаза. Вокруг было серо: но не грязный снег, не пасмурное небо, а воздух пропитался серой краской, которая ложилась на землю, на камни, деревья, на ее собственные руки. Белые линии прорезали бледные тучи, а горизонт расплывался.

Не прошло и минуты, как она стояла у озера. Рядом фыркал в снег Ветер.

– А где Спасение? – спросила она.

Паdifф молча указал ей на седло. Убедившись, что она уселась, он неторопливо отошел от нее в сторону холмов и помахал рукой издалека.

Она смотрела на него подозрительно и настороженно. Он что-то задумал, а она боялась боли. Она боялась неизвестности. Она пыталась унять дрожь, но у нее плохо получалось. Конь почувствовал ее волнение и стал переступать с ноги на ногу. Но, в конце концов, она двинулась вперед.

Она не успела понять, почему она полетела вперед головой с Кристо. Она взвыла и, оскалив зубы, схватилась ладонями за ушибленное место. Когда она поднялась, Ветер, перебирал копытами и возмущенно поднимал губы.

Она непонимающе огляделась. Она была уверена, что Кристо не споткнулся, а она сидела на его спине ровно.

– Что ты сделал, Паdifф? – прошипела задумчиво она.

Они снова и снова пытались пройти через невидимый барьер, но снова и снова падала. Ветер тоже ощущал боль, она слышала, как он тихонько причмокивает губами, когда натывается на преграду.

Падиф стоял недалеко. Она злилась на него, руки у нее были сжаты в кулаки.

– Что ты хочешь от меня? – воскликнула наконец она, слишком громко от боли.

– Просьбы.

– Просьба к кому? К тебе? К Ветру?

– Нет, нет, – мягко сказал он, – Всего лишь к самой причине твоего препятствия.

– Что ты имеешь в виду?

Он не ответил. Она закрыла глаза и припомнила тех, кто вершит явления руками таленов. Падиф говорил ей об этом только вчера. Ламар – основание земли, Квирнар – основание воздуха, Илень – огня, Селемер – основание воды. Он всего лишь назвал их, сказав, что они – источник его сил. Она сама не верит в свою власть. Но если от нее требуется всего лишь попросить – что препятствует несколькими словам?

– Разрушь эту стену, Квирнар! – повелительно сказала она.

Воздух словно зарядил перед ней. Внезапно она почувствовала опустошающее бессилие, сердце учащенно забилося, а из головы словно выдули все мысли. В глазах у нее потемнело.

Кто-то настойчиво тряс ее за плечо. Отлепив веки друг от друга, девушка смутно разглядела человеческий силуэт, склонившейся над ней... «Это Падиф...» – пронеслось у нее в голове, и она, расслабившись, вновь начала погружаться в дрему. Она успела понять, что лежит у себя в постели, под надежным покровом пещеры на Предзакатной ступени. Дополнительная серия толчков, уже более сильных, снова сотрясла ее, и она начала вслепую отмахиваться руками.

– Вставай уже время к ужину, – донесся до нее приглушенный голос, и она резко распахнула глаза – потому что это не был голос Падифа. Это была женщина.

Она была стройной, под одеждой очерчивались мускулы. Угольные волосы спадали ровно на плечи. Уши у нее, как и у Падифа, сильно вытягивались вверх, а огромные глаза мерцали во мраке.

– Кто ты? – воскликнула Энди, сжав кулаки и выставив их немного вперед.

– Не волнуйся, я – друг! – спокойно, глядя ей в глаза, ответила незнакомка и слегка наклонила голову.

– Да? И что ты тут делаешь?

– Энди, я здесь по просьбе Падифа, – сказала девушка, и в звуках ее речи сквозила сила и твердость, которые не сочетались с ее нежной и хрупкой внешностью.

– И где же он сам? – недоверчиво бросила Энди.

– Он отправился уладить некоторые вопросы, и попросил меня присмотреть за тобою.

– Что-то не верится. Ранее он оставлял меня одну! – парировала она, но кулаки ее все-таки сами собою разжались.

– Ранее были другие условия, – естественно и легко ответила незнакомка.

– Я смотрю, ты так осведомлена в этом вопросе!

Но гостья никак не отреагировала на ее реплику. Она только опустила глаза, словно бы соглашаясь.

– Когда он вернется? – спросила она, давая своим голосом понять, что правила диктует здесь именно она; по крайней мере, пока не придет истинный хозяин этого места.

– К трапезе, – ответила маленькая девушка – Энди была выше нее на голову.

– Скажи мне, кто ты.

– Прости, Энди, это моя вина – я не представилась тебе, – проговорила учтивым тоном девушка, – Меня зовут Тирис, я, как и Падиф, жительница горы Ревен. Я здесь, чтобы защитить тебя, если потребуется.

– Хм, как я вижу, не потребовалось, – немного уязвленная тем, что незнакомка проявляет о ней заботу, огрызнулась Энди.

– Защита эта не от физического насилия.

Энди не хотела разговаривать и ничего не спросила более. Тирис постояла немного и присела за стол, где стала изучать какие-то тексты. Энди уселась на кровати и следила за Тирис, пока, наконец, не послышался шорох у входа.

Падиф шумно ввалился в пещеру и быстро задернул за собою меховую штору. Вид у него был слегка взбаламошенный: кудрявые волосы растрепаны, щеки горели румянцем, а глаза будто вращались в разные стороны. Мужчина потряс головой, отряхиваясь от снега, а после взглянул на девушек. Его взгляд задержался на маленькой гостье, они кивнули друг другу. На лице его была доброжелательная улыбка.

– Рад видеть, что с тобою все в порядке, квален, – сказал он тепло и ровно, но она не проронила и звука, – И еще я рад, что вы с Тирис уже успели познакомиться друг с другом, – немного растеряно добавил он, – Я попросил ее остаться с тобою, пока твое сознание набирало силы, чтобы в случае опасности защитить его, – сказал он и, постояв с секунду, зашагал к кострищу, где бросил новую сизую тушку какой-то бедной птички.

Тирис, не дожидаясь приглашения, подошла к костровищу. Лицо ее по-прежнему лучилось спокойствием и благоразумностью. Оно вдруг показалось Энди знакомым, а в ушах пронеслись какие-то неразборчивые звуки, но она не смогла остановить эти мимолетные воспоминания, как дежа вю.

– Как ты себя чувствуешь, квален? – с безмятежным видом спросил Падиф.

– Э-э-э... Да нормально вроде... – пробубнила она: она не ощущала себя в безопасности и не хотела, чтобы их разговор слышала Тирис.

Падиф ободряюще ей улыбнулся и принялся готовить пищу. Чем дольше длилось молчание, тем спокойнее становилось Энди. Она словно привыкала к Тирис, как к новому предмету. Последняя сидела тихо, сложив руки на коленях, и ее душевное равновесие передавалось в воздух вокруг, проникало в легкие и растекалось с кровью.

– Значит, то, что случилось на равнине, было результатом моей просьбы к Квирнару? – вдруг спросила Энди.

Падиф только улыбнулся и кивнул.

– Но... Это невозможно! – воскликнула она громко, словно очнувшись после кошмара.

– Как же это может быть невозможным, если ты сама это ощутила? – засмеялся Падиф, а глаза его азартно засверкали, – Ты попросила и получила – стена была разрушена, но взамен ты отдала все свои силы. Поэтому ты погрузилось в состояние, которое мы называем поиском. В тебе не остается почти ничего, твой разум растекается по миру, но ты все еще живешь, дышишь, твой мозг работает – но не более. Иногда этот процесс может затянуться на долгое, долгое время... Был даже случай, когда одна молодая тален не смогла контролировать свои желания и заглянула в Страту глубже своих возможностей. Ее тело так и не смогло найти свое сознание, и девушка погибла... Это очень печальная смерть... – Падиф сделал паузу, но продолжил, не сбавляя темпа, – Главное не допускать проникновения на освободившееся место чужого сознания, которое может начать паразитировать в тебе. В поиске ты открыта любому потоку мысли, что носится в воздухе, и твоему сознанию нужна защита. Именно для этого я оставил рядом с тобою Тирис, ибо мне нужно было удалиться. Именно поэтому я спрашивал тебя, что ты чувствовала. Мне было важно, чтобы ты не видела снов и ничего не слышала. Это как доказательство того, что твое сознание смогло найти путь домой.

Энди не сразу поняла, что она хочет сказать. Несколько раз она открывала и закрывала рот, мотая головой и рассеяно пытаясь схватиться за что-то взглядом. Тяжело нахмурившись, она пыталась осознать услышанное, выявить какую-то опасность. Но все было настолько ново,

что не вызывало вопросов, и настолько неестественно, что провоцировало иные смыслы для слов.

– Паdif, а разве все должно было пройти именно так? Я почти ничего не почувствовала, я не контролировала этот процесс... Получилось, что не я, а Квирнар руководил мною. Ведь если бы все было правильно, то я смогла бы вовремя остановиться, так?

– Ты права. Но иного я не мог от тебя ожидать, потому что это был твой первый опыт, к которому я не дал указаний.

Энди закрыла глаза и вздохнула, впустив внутрь так много воздуха, насколько хватило объема ее легких, и почувствовала, как затрещали ее кости. Натянувшиеся кожу и мышцы пронзила приятная боль: тихая и ненавязчивая, словно бы она всегда была в ее теле. Какой-то запах защекотал ее ноздри, и она глубоко втянула его в себя – кажется, это был запах снега и сырой прошлогодней листвы, что лежит на влажной земле весной, когда почва наполняется новой жизнью. Каждая частичка ее тела расслабилась, согрелась, словно бы от внутреннего источника, и, неизвестно, почему, но тьма перед глазами начала рассеиваться, обнажая перед ней различные оттенки мира: нежно-голубой, бледно-желтый, болотно-зеленый... В мозгу ее уже шепталась трава, завывал ветер, журчал ручей и шумела бурливая река, только она не могла определить, в какой момент эти звуки появились внутри ее черепа.

Это музыка вливалась в ее мысли. Она открыла глаза – Паdif и Тирис играли эту мелодию. Он перебирал струны на инструменте, который лежал у него на коленях, она тонкими пальцами зажимала отверстия во флейте, изгибаясь в такт. Энди давно не слышала хоть какой-либо мелодии, и теперь внутри нее сталкивались чувства.

– Это было замечательно! Это лучше всяких снов! – прошептала она, когда музыканты остановили игру.

– Я рад, что мы помогли тебе, – улыбнулся Паdif, – Наш народ любит музыку. Иногда одна песня способна дать талену больше, чем тысячи мыслей.

– Про что ваши песни?

– Наши песни рассказывают про многое... – начал Паdif и задумался, – Хм... Мы поем о прошлом, о свершениях людей, ушедших и живущих... я бы мог спеть тебе, но у нас нет песен на твоём языке. Наши песни – это шум мира, шум мыслей.

Он открыл рот, и словно прошлогодняя листва оказалось у них под ногами. Из груди Паdifа вырывались завывания холодного ветра среди облезлых стволов – пещера вдруг поросла густым лесом, наполненным скрипом и треском вздыхающих деревьев. Энди услышала, как из глотки Паdifа выпорхнула птица и забила крыльями в тесном пространстве. Музыка раздалась из-под пальцев Тирис, и в каменное жилище хлынул тонкий ручей, пробивающий корочку первого зимнего льда. Небо, синее и глубокое, зазвенело в голосе и музыке, и листопад забренчал в пещере.

Паdif перестал петь, и иллюзия разрушилась. Они снова были в голой пещере.

– Невероятно! – прошептала она.

– Это наречие – Нарве мы зовем его, – сказал он.

– А ты научишь меня этому Нарве?

– Конечно.

Несколько секунд они молчали. Паdif и Тирис многозначительно переглянулись, словно спрашивая друг у друга что-то.

– Давай, квален, мы с Тирис поучим тебя кое-чему! – интригующе воскликнул Паdif.

Они с Тирис встали в центре пещеры. Но Энди не двигалась, опасаясь, что же они от нее хотят.

– Ну же, Энди, подойди к нам! – вновь позвали ее, но на этот раз сама Тирис наполнила пещеру нежным, переливчатым и звонким, как колокольчик, голосом, в момент очаровав Энди. Не устояв, она снялась со своего места и подошла к паре.

– Мы хотим научить тебя танцевать! – воскликнул Падиф и перекатился с пятки на носок и обратно, а Тирис расправила плечи.

– Танцевать? Но я совсем не умею...

– Дело не в твоём умении. При помощи танца мы общаемся друг с другом. Чтобы уловить все явления мира, недостаточно знаний, полученных рациональным путем.

– Снова польза... А как же веселье?

– Конечно, одновременно это просто нравится нам, – засмеялся Падиф.

– Иногда твои слова трудны для понимания!

– Слова – явно не моя специализация, – улыбнулся он, – Ты такой танцор, каким захочешь быть, – сказал Падиф, вдруг схватил ее за локоть и потянул к себе.

Энди от неожиданности сдавленно пискнула, а он уже закружил по пещере, увлекая все ее тело вслед своим движениям, не обращая внимания на ее протяжные выкрики «ой» и «ай», когда он заделывал вместе с нею крутые виражи. Вдруг он резко остановился, и все органы Энди сдвинулись со своих привычных мест. В глазах потемнело, голова закружилась, ноги проглотило колющей болью, а сердце тяжело забилося в груди. Она бессильно обмякла в руках Падифа, не разбирая очертаний его лица.

– Тирис! – услышала она его требовательный призыв и в момент, откуда же, из тумана, раздался звонкий, протяжный аккорд, и по всей пещере разлилась музыка, а Падиф снова подхватил ее и быстро закружил.

Музыка заглушала все вокруг, и Энди не могла воспринимать ничего, кроме ее быстрой, сбивчивой, сумасшедшей мелодии. Падиф кружился все быстрее и быстрее, а она не могла и рукой пошевелить, чтобы остановить его. Стены пещеры расплылись перед ее глазами, в ушах гремело, и вдруг музыка оборвалось, словно кто-то перерезал струны. Падиф стремительно развернулся и бросил Энди на стул.

Белые круги мешали видеть. Она приподнялась и снова повалилась назад. Состояние неясного, редкого умиротворения хлынуло в ее разум, и она блаженно улыбнулась. Вдруг перед ней вспыхнули блестящие черные глаза.

– Да? – тихо подала голос она.

– Тсс! – негромко и мягко шыкнул он на нее.

Из каждой частички воздуха начала зарождаться музыка. Ее мелодия, переливчатая, словно весенняя река, прокралась медленно в ее душу, впиталась вместе с кислородом в ее сознание. В такт этому мотиву, из глубины звука разлился тихий, сладкий, подобно спелой черешне, женский голос, в котором зазвучала шелестом осенней листвы песнь. Падиф шагнул плавно в сторону, словно бы увлекаемый голосом музыки. Он подхватил ее, медленно закружил, пока ритм музыки не стал вдруг ускоряться, и она ощутила резкий рывок, и мысли ее быстро переместились, как будто книги упали с полок и подняли в воздух кучу пыли. И неожиданно сон накрыл ее сознание.

Она читала материалы по истории. Эта область научного знания всегда была одной из ее любимых. Она легко запоминала последовательность фактов и дат, имена императоров и вождей, причины войн и мирных соглашений.

Люди из прошлого этого мира не трудились в нынешнем понимании слова – они просили необходимое у оснований. Деревья вырастали в дома по их просьбам, реки меняли русла, чтобы увлажнять поля с посевами, стены воздуха защищали от ветров и холода. Рядом с ними был Первопроходец. В те времена единственное, во что леканы верили с малолетства, были даже не основания – эти знания приходили потом, – это был авторитет этого человека.

Многое из того, что она читала, Падиф уже рассказывали ей. Поэтому когда он позвал ее наружу, она обрадовалась.

Он стоял у края Предзакатной ступени, вытянувшись так, будто готовился спрыгнуть в Мертвое озеро, и внимательно вглядывался в горизонт. Но она видела там только молочную полосу Зимы и серое небо.

– Не бойся... – с волшебным спокойствием произнес тален, опустив взгляд на озеро, – Небо в нем кажется ближе, не так ли? Поэтому оно страшит неопытных.

Она ничего не ответила, но голова у нее закружилась. Внутри нее исчезли все мысли – она думала только о черноте у себя под ногами, и страх выжигал в ней эмоции.

– Нужно заполнить эту пустоту, – прошептал Падиф и присел на край платформы, – Давай! – и он похлопал камень рядом с собой.

Сидя таким образом, она не могла видеть Мертвого озера.

– А теперь, квален, смотри, слушай, ощущай... – медленно, отдельно, растягивая слова, прошептал он и закатил глаза.

Она нахмурилась. Некоторое время она тупо смотрела на Падифа, силясь осознать процесс, происходящий в его голове.

– Ну ладно, – пожала плечами она.

Завывание ветра в ушах... Холод от камня... Ощущение присутствия рядом человека... И чувство свободы – чувство пространства вокруг. Ее волосы трепыхаются, бьют ее по щекам. Раз, два, три – стучит сердце, раз, два, три вдоха и выдоха, и она не чувствует холода и прикосновения ветра. Только пустота в ней самой. Но она уже не одна. Что-то большое, но соразмеримое с ней, маленькой и беспомощной, движется вокруг в бесконечном вихре. Но она зацепилась за что-то. Она слышит шум в Хафисе, она знала, что это именно там... Тук – стучит сердце.

Бух!

Гром звучит в ее голове. Сильный, не терпящий возражения голос стучит в ее сознании, не позволяя ей выдать и мысли протеста, но он не может проникнуть внутрь ее, не может заполнить ее всю. Она открывает глаза и видит перед собою тревожное лицо Падифа, что склонился над ней, она слышит его, но также слышит громогласные призывы в ее голове, которые отражаются гневом и настойчивостью. Он злится, что не может завладеть ею до конца.

– Очнись!

Голос выходит из нее и остается лишь эхо и головная боль. Она часто дышит, но уже четко различает предметы вокруг и понимает, что уже наступили сумерки.

– Квален! Очнись!

– Да, да, все нормально... – отмахиваясь от Падифа руками, приподнялась она на локтях.

Он крепкой, цепкой хваткой держит ее за предплечья, огромные глаза его широко открыты, отчего кажется, что она смотрит в черные туннели.

– Что это было?

– Ты подслушивала, – сказал Падиф и неожиданно улыбнулся, – Это напрямую связано с тем, как научиться общаться с основаниями. Ты в мире, но он расширяется, размывает границы, и ты можешь видеть все, что есть в нем. Ты можешь отделить что-то одно из всего потока, сохранить это в разуме... Так мы собираем энергию, чтобы использовать ее потом для оснований. Мы как бы храним ее в Хранилище снов... Обычно мы делаем это по ночам, когда появляется неиспользованная энергия. Сейчас ты не смогла ничего собрать, ты не пыталась, оно и к лучшему – ты же не хочешь умертвить кого-нибудь? – он остановился и восхищенно посмотрел на нее, – Я, признаюсь, не ожидал, что ты сможешь выделить что-то из потока вот так сразу.

Колющий ветер саданул девушку по щекам, и она, натянув воротник повыше, в нерешительности взглянула на Падифа. Она не могла осмыслить то, что он сказал.

– Что мы будем делать теперь?

– Теперь тебя ждет твой Кристо, – выпалил он.

– Но ведь темно уже!

– Вот именно, – лукавым голосом подтвердил он и пошел к лестнице.

Тьма давила на Энди, словно бы она была в вакуумной камере, из которой постепенно выкачивали воздух. Волнение, охватившее ее, переходило границы естественного страха перед темнотой. Но когда она была рядом с Падфиом, волнение проходило. Словно бы мужчина излучал собою гарантию ее сохранности. Она видела в темноте блеск его глаз – они ни разу не моргнули. Они видели все, все опасности, которые могли им попасться. Они охраняли ее.

Глава 8

Никогда еще война не снилась Энди правдоподобно. Призраком она бродила среди блеска стали, среди ярких вспышек, и внимательно глядела на безликих людей, убивающих друг друга. Небо над ее головой постепенно превращалось в полыхающее красное зарево, а на поле боя возникали, раздуваясь прозрачными куполами, взрывы. Снег под ногами был багровый. Она искала что-то. Человек в доспехах вдруг убрал свой бурый ятаган в ножны, вскинул руки и воздух вокруг него зарябил, сгущаясь. Он замерцал, начал раскаляться, и когда в руках у мужчины была пылающая звезда, – взорвался. Небо озарилось быстрым сиянием. Она посмотрела на гору. Снег на горе завихрился, казалось, это была буря или сошла лавина. Бойцы, на миг приостановившись, вновь начали рубить друг друга. Но повторное, звучное завывание донеслось от вершин горы. Она посмотрела на источник этого зова...

– Эй!

Кто-то теребил ее за плечо. Недовольно застонав, пытаясь перехватить продолжение сна, она замотала головой и натянула до лба одеяло, но оно тут же было сорвано. Оказавшись без защиты, она быстро свернулась калачиком и уткнулась носом в колени.

– Вставай, квален! – заслышала она уже более отчетливо и нехотя раскрыла глаза.

По пещере носилось туда-сюда размытое черное пятно: Падиф перемещался быстрыми бросками, собирая разные вещи и укладывая их в рюкзак.

– Что происходит? – наконец всполошилась она, – Мы уходим в другое место?

– Не мы уходим, а я, и не в другое место, а по определенному назначению, – скоро ответил он ей.

– Что? Ты уходишь? Куда? – она вскочила на ноги. Она увидела, как сбываются ее страхи.

– Неважно, куда и зачем, и не спрашивай меня об этом, а также не проси взять с собою, и вообще не задавай мне вопросов, – проговорил Падиф, к этому моменту успев утрамбовать все вещи в сумку. Его острый взгляд лег на ее лицо.

– Меня не будет полмесяца, но ты не останешься одна. Для тебя это время пройдет с пользой. Ты будешь обучаться у Ерсы, – и с этими словами он посмотрел в сторону.

Она проследила за его взглядом, и только сейчас заметила, что за столом сидит знакомый ей старичок, закутанный кучей лохмотьев, и пытливым, почти невидимым за множеством морщин взглядом, смотрит на нее. Руки его немного трясутся, но вся остальная груда тела неподвижно лежит на стуле.

– Он научит тебя многому, чему научил меня, и когда я вернусь, ты будешь уже другим человеком, – добавил Падиф и отвернулся, чтобы снять со стены ятаган, лук и колчан со стрелами.

– Ты вернешься? – слабо пискнула она и подбежала ближе к нему

– Не мешай, – буркнул он, но остановился, взглянув в глаза девушке, – Конечно, я вернусь, – через паузу и тепло сказал он.

– Да, хорошо, – прошептала она, – Но зачем ты уходишь? Скажи хоть что-нибудь! – взмолилась она и невольно сложила ладони перед собой. Падиф недовольно скрючил лицо, но сжалился над ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.